

Василий Шарлаимов

Василий Шарлаимов

Повесть о невезучем человеке

Везунчик

Иммигрантские истории

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василий Анатольевич Шарлаимов

Везунчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29603656

SelfPub; 2024

Аннотация

Поначалу автор назвал эту книгу "Повесть о невезучем человеке". Херсонец Рома Варивода вляпался в весьма неприятную историю, и местные мафиози включили ему "счётчик". Едва не погибнув, он сбежал за границу, чтоб переждать там тяжкие времена. Но и в тихой Европе Рома раз за разом попадал в анекдотические передряги и головоломные злключения. Казалось, парень как магнит притягивал к себе неприятности. Семь раз он оказывался на краю гибели, однако не только выжил, но и остался целым и невредимым. С завидным постоянством, Рома всплывал на поверхность "Омута невезения" и, в конечном итоге, даже преуспел в своей жизни. Так кто же такой Рома Варивода – хронический неудачник или же везунчик и любимчик Фортуны? Это уже решать Вам, мой дорогой читатель.

Содержание

1. Герой невидимого фронта.	5
2. Всевидящая.	21
3. Ракушняковый истукан.	35
4. Таракан и К ^о .	53
5. Маятник хронометра Судьбы.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Василий Шарлаимов

Везунчик

Повесть основана на реальных событиях. Автор даже не удосужился изменить имена и клички некоторых героев повествования. Ведь не зря говорится в широких пиратских кругах, что мертвые не кусаются.

1. Герой невидимого фронта.

Декабрь 2001 года.

Рождественская ночь медленно, но неуклонно приближалась к своему естественному завершению. Я и мой друг Степан сидели на парапете ограды, болтали ногами в воздухе и глазели на равнодушные к нам зимние звёзды. Мы дожидались первого утреннего автобуса, чтобы добраться на нём к вокзалу Сау-Бенту. Чтоб скоротать время, мы потчивали друг друга занятыми историями из нашей схлынувшей до-иммигрантской жизни. Собственно говоря, это Степан пичкал меня рассказами о своих приключениях и байками о своём незадачливом братце по кличке Кузен. Из слов моего друга я сделал не подлежащий сомнению вывод: и у него, и его двоюродного брата – единая генетическая предрасположенность. Они с завидным постоянством влипали во всевозможные неприятные ситуации, досадные передрыги и при-скорбные злоключения. Однако, в отличие от моего высоко-рослого приятеля, Кузену нечасто удавалось выходить сухим из воды.

– Да неужто ты незнаком с таким феноменом, как Рома Варивода?! – искренне удивлялся Степан. – Вы же с ним земляки! Да в Херсоне моего блудливого брательника каждая дворняжка знает!

– Ну, во-первые, я не собака, – обижено проворчал я. – А во-вторых, трудно предположить, что в 400-тысячном городе каждый обязан знать какого-то прощелыгу.

– Но в том-то и дело, что Рома вовсе не какой-то там вульгарный прохвост! – расплылся в улыбке тернопольский богатырь. – Да ты должен его знать! Невысокий, смуглый, кареглазый брюнет с такой забавной, но хитроватой лисьей мордочкой. Такого дотошного искателя приключений на свою задницу во всей Украине навряд ли отыщешь!

И, вдруг, вспышка яркой молнии осветила мой мозг и из глубин моей памяти всплыли воскресшие воспоминания. Это случилось почти что семь лет назад. Мы с моей будущей супругой прогуливались по парку Ленина и медленно приближались к кафе-ресторану «Лакомка». Алёна озябла, и мы собрались заглянуть в бар, чтоб выпить по чашечке горячего шоколада.

Внезапно, дверь кафе распахнулась и оттуда вывалила довольно-таки странная, я бы даже сказал, нелепая процессия. Четыре здоровенный мужика тащили за руки и за ноги отчаянно брыкающегося живчика. Вокруг них метался крепко сбитый джентльмен, с мокрыми волосами и с запутавшимися в кучеряшках осколками стёкол. Эта разъяренная личность забегала то справа, то слева от носильщиков и пинала их ношу дорогими крокодиловыми штиблетами.

– Ах ты выродец недоделанный! – истерическим хриплым голосом орал он. – Я тебе покажу, как тявкать на самых ува-

жаемых в городе личностей! Ты думал, что мой котелок можно пробить паршивой бутылкой «Мадам Клико»?! Да я этой башкой барачные стены на Колыме прошибал! Сейчас я реально тебе покажу, где в Херсоне днепровские раки зимуют!

Из двери ресторана выскочила молодая, миниатюрная и очень красивая светловолосая женщина. Она подбежала к буйствующему джентльмену и, хватая его за руки, жалостливо заголосила:

– Пожалуйста, не убивайте моего мужа Рому! Не оставляйте моих деток безутешными сиротками!

Похоже этот безысходный крик души отрезвил крепыша, и он дал знак своим людям остановиться. Он сделал три глубоких вдоха и выдоха, а потом размеренно сосчитал от одного до десяти. При этом, как мне показалось, джентльмен ненароком пропустил цифру восемь. Затем он неспешно выбрал из волос осколки стекла и с интересом взглянул на красавицу, а потом и на её мужа.

– Ладно, я не злопамятный, – примирительно пробурчал он. – Вообще-то, надо было сдать тебя моим друзьям ментам, чтоб они научили тебя уважать респектабельных граждан. Но я не такой кровожадный, как некоторые мои братья, и поэтому я тебя попросту отпускаю.

Босс лениво развернулся и вразвалочку направился в ресторан завершать свой так некстати прерванный ужин. Уже у входа, не оборачиваясь, он бросил своим дуболомам весьма выразительный указательный жест. Те понимающе пере-

глянулись и потащили своего клиента в противоположную от ресторана сторону. Там находился фонтан и овальный бассейн, радующие посетителей в знойную пору своей прохладой. Раскачав свою ношу у края пруда, мордовороты зашвырнули живчика на самую середину его акватории. И всё было бы ничего, если бы не затяжной энергетический кризис, который охватил тогда Украину. Из-за нехватки энергоносителей фонтан не работал, а бассейн был совершенно пустым.

По треску при ударе жертвы о бетонное дно пруда, я пришёл к выводу, что его позвоночник сломан, а череп расколот напополам. Истошный крик женщины услышали бы милицейские патрули как минимум в радиусе трёх километров. Однако их не было, по причине того же энергетического, а также ползучего морального кризиса. Телохранители, ухмыляясь, развернулись и последовали за своим «милосердным» боссом в «Лакомку».

– Господи! Какой ужас! – запричитала Алёна. – Да лучше бы этот бандюга сдал парня ментам! Там у него был бы хоть какой-то шанс выжить!

Ломая каблучки, светловолосая миниатюрная красавица спустилась в сухой бассейн и всхлипывая склонилась над телом супруга. К моему глубочайшему удивлению, «покойник» зашевелился и, покрхтывая, поднялся на трясущиеся ноги. Женщина радостно вскрикнула, всплеснула руками и бросилась на шею своего воскресшего мужа. Но живчик

лишь раздражённо от неё отстранился и забрюзжал на супругу досадливым тоном:

– А всё из-за тебя, Нинка! Если бы ты под ногами не путалась, я бы показал этим скотам не только, где раки, но и где императорские пингвины зимуют! Но ничего! Эта мразь ещё пожалеет, что связалась с Ромой Вариводой! Я такого борзого и наглого беспредела ни под каким соусом не потерплю!

Жертва мафии выбралась из бассейна на «материк» и пошатываясь направился в сторону троллейбусной остановки. Сбросив со своих ног покалеченные туфли, миниатюрная дама выкарабкалась по крутому откосу на берег. И невзирая на холодную, промозглую погоду, она припустила босичком за своим спесивым, разухабистым благоверным. Из темноты кустов возникла чёрная кошка и мелко затрусил за чудаковатыми супругами как верная собачонка.

Когда я рассказал Степану эту удивительную историю, он торжествующе спрыгнул со своего места:

– Ну, я же тебе говорил, что Кузена в Херсоне не только каждая собака, но и каждая кошка знает! У него прирождённый дар вляпываться в самые неприятные истории! Злосчастье – его второе имя!

– Но ты ведь сам рассказывал, что у Ромы в Херсоне был достаточно-таки успешный, рентабельный бизнес! – горячо возразил я. – Торговля подержанными иномарками приносила ему солидную прибыль! А в Тернополе он самолично задержал главаря банды грабителей! Так что трудно его на-

звать хроническим неудачником!

(Прим. Об этом событии рассказывается в повести «Австралийский магнат».)

– Именно с этого подвига у Румы и началась затянувшаяся чёрная полоса неудач, – с печалью в голосе уведомил меня тернопольский сказитель. – Кузен совершенно случайно оказался на пути убегающего бандита. Оба были под высоким градусом и, стукнувшись лбами в узком проходе, синхронно свалились в глубокий обморок. Там их, лежащих в обнимку, и нашли запыхавшиеся от погони омовцы. Стране нужны были самоотверженные герои, – и Кузена сделали им.

Через два месяца в областном управлении МВД состоялась торжественная церемония, по случаю чествования участников операции по ликвидации банды особо опасных преступников. Там Вариводе Роману Анатольевичу были вручены золотые часы с дарственной надписью от имени всей доблестной украинской милиции. Заслуженная награда нашла отважного помощника правоохранительных органов.

Кузен скупил все номера местной газеты, в которых освещались его героические деяния. Он разослал вырезки всем своим близким и дальним родственникам, а также знакомым и малознакомым людям. Эти же вырезки из газеты «В кожен дім» висят в его доме в золоченных рамочках и напоминают гостям, что они находятся в жилище былинного богатыря.

А золотые карманные часы на длинной цепочке, какие обычно носили буржуи и чистоплюи-интеллигенты в нача-

ле XX века, Рома первое время всегда и повсюду таскал с собой. И частенько, в компании развесёлых собутыльников, Кузен с важным видом извлекал из кармана свой золотой хронометр и демонстрировал всем присутствующим выгравированную на нём дарственную надпись. Затем Рома, задумчиво вперившись вдаль, закуривал сигарету «Мальборо» и неторопливо начинал повествование о своих невероятных приключениях в злочных закоулках бандитского Тернополя. И с каждым разом его повесть обрастала всё новыми и новыми подробностями и пикантными деталями. И постепенно слушатели проникались уважением и восхищением к герою невидимого фронта борьбы с организованной преступностью.

Но однажды в компанию собутыльников затесались два бывших зэка, которые почему-то без должного уважения отнеслись к мемуарам пособника украинской милиции. Они не только набили морду народному блюстителю законности и правопорядка, но также и ... Ну, ты, наверно, уже догадываешься, Василий, куда возмущённые разбойники затолкали Роме дар славного украинского МВД.

От хирургического вмешательства Кузена тогда спасла только длинная цепочка, за которую врачи, хоть и с трудом, но извлекли инородное тело из прямой кишки потерпевшего. Кстати, именно после этого происшествия Рома и приобрёл походку морского волка, которая сводит с ума сексуально озабоченных дам.

Понятное дело, что попранный и оскорблённый Кузен пылал лютым гневом и неуёмной жаждою отмщения. Выйдя из проктологического отделения больницы, он отправился напрямиком в районное управление внутренних дел. Там он размахивал своими вырезками из газет и наградными часами, требуя привлечь к ответственности обнаглевших рецидивистов. Херсонских милиционеров весьма впечатлила сага добровольного помощника украинской милиции о его былинных тернопольских подвигах. Рома не забыл так же упомянуть, что является зятем капитана в отставке Хоменко, грозы продажных чиновников, казнокрадов и уголовников. И Кузену, вдруг, почему-то почудилось, что физиономии следователей ни с того ни с сего помрачнели.

— Ну, уж если Вы такой опытный сыщик и у Вас такой замечательный тесть, то для начала выявите местопребывания преступников, — с кислой миной наметил план действий начальник следственного отдела. — Вот тогда-то и мы, непременно, возьмёмся за это криминальное дело.

Роме вовсе не понравилось, что его побуждают к самообслуживанию, но выглядеть профаном, ох, как не хотелось. И он всё-таки выследил своих обидчиков в том же баре, где на подпитии и трепался о своём героизме. Как и обещал начальник следственного отдела, подозреваемые в изнасиловании были задержаны и довольно строго с пристрастием допрошены.

Однако эти заблудшие овцы, которые искупили свои про-

шлые злодеяния многолетней отсидкой, имели неоспоримое алиби. Во время преступления десятки свидетелей видели их в совершенно иной части города. И хотя все эти свидетели имели уголовное прошлое, но нынешнее их финансовое состояние не позволяло усомниться в правдивости их слов.

– Но ведь все служащие бара и его завсегдатаи видели, как меня умыкнули именно эти озверевшие живодёры! – визжал недорезанной свиньёй Кузен.

Но и служащие заведения, и все его завсегдатаи единодушно заявили, что видят Рому Вариводу впервые в своей жизни. В припадке ярости Кузен пригрозил хозяину бара, что напишет в газету статейку о его притоне для уголовников и головорезов.

– Тогда, господин Варивода, я подам на Вас в суд за попытку дискредитировать моё порядочное и респектабельное учреждение общепита, – с ледяным спокойствием ответил предприниматель. – Согласно мнения нашего нового премьер-министра, все граждане, осуждённые при Советской власти, являются не уголовниками, а диссидентами. И насколько мне известно, пострадала совсем не Ваша голова, а абсолютно противоположная часть тела. Так что никаких уголовников и головорезов ни в одном моём баре, и ни в одном моём ресторане нет.

– Ну, что ж, – бессильно пожал плечами старший следователь. – Как говорят в солнечной Грузии, на нет – и суда нет. Но Рома не уgomонился и добился аудиенции у само-

го начальника областного УМВД. Тот безмолвно и очень внимательно выслушал внештатного милиционера, лишь сочувственно кивая умудрённой жизненным опытом головой. Свою горькую исповедь Кузен закончил весьма и весьма патетично:

– В моём лице обнаглевшие преступники унизили всю самоотверженную украинскую милицию! И если Вы не призвёте к ответу глумливых злоумышленников, то я дойду до самого пана президента!

– Ну зачем же отвлекать пана президента от важнейших государственных дел, – забегали глазки у встревоженного генерала. – Тем более, что, как мне доложили, унизили Вас во все не в лице. Беда в том, что у нас нет ни единого достойного свидетеля обвинения. Нет! Свидетели конечно имеются, но все они до смерти запуганы жестокими и циничными бандитами. Нашим оперативникам необходимо время, чтобы убедить этих людей дать нужные показания, пообещав им надёжную личную защиту. Наберитесь терпения и проявите выдержку, мой друг. И обещаю Вам, что в ближайшем же будущем распоясавшимся преступникам воздастся по заслугам.

Удовлетворённый Рома вернулся домой, но с этого самого дня у него начались абсолютно непредсказуемые неприятности. Когда он проходил у давненько заброшенной стройки, перед самым его носом на землю упал силикатный кирпич. Причём это был не современный пустотелый кирпич, а ста-

рый полновесный советский образец. До недостроенной стены здания было более десяти метров, а ни землетрясения, ни торнадо в тот день в Херсоне не ощущалось и не наблюдалось. Хотя Кузен и не верил в полтергейст, но с тех пор стал обходить все стройки десятою стороною.

Каждую пятницу, вечером, Рома по обыкновению ехал на дачу на Потёмкинский остров. На перегруженном речном трамвайчике Кузен по привычке пристроился на корме, хотя это и не разрешалось по правилам безопасности. И кто-то в толчее, совершенно случайно, толкнул его под винты давшего задний ход теплохода. К счастью, Рома был великолепным ныряльщиком и пловцом, и сразу же догадался, как избежать ужасной кончины. Он ушёл как можно глубже под воду и пронырнул под быстро вращающимися винтами судна. Чтобы не попасть между причалом и корпусом трамвайчика, Кузен под водой свернул вправо и из последних сил всплыл на поверхность. Он едва-едва не задохнулся, поскольку перед падением не успел толком набрать в лёгкие воздух. Да и мгновенно намокшая одежда и ботинки неумолимо тянули его ко дну.

После этого жуткого происшествия Рома поставил в соборе перед иконой Николая Святителя свечку, однако надлежащего вывода почему-то не сделал. Через три дня он отправился в свой гараж, открыл входную дверь и попытался нащупать на бетонной стене выключатель. И тут ладонь Кузена свела судорога и всё его брненное тело эпилептически

затряслось. Рома сообразил, что попал под фазу электропроводки, но разжать свой кулак он был просто не в состоянии. Рано или поздно сердце его должно было не выдержать и навеки вечные остановиться. К величайшей удаче Кузена, он стоял чуть-чуть наклонённым вглубь затемнённого гаража. И Рома позволил своему непослушному телу колодой упасть на холодный плиточный пол. Помещение гаража озарила ярчайшая вспышка, раздался весьма громозвучный хлопок – и Кузен погрузился в бессознательное состояние.

Очнулся он через четверть часа распластанным на промокшем полу, с обрывком электропровода в кровоточащей ладони. На одном конце обрывка болтался оторванный выключатель, а второй его конец сильно оплавился и обгорел. Очевидно, под весом тела Ромы изоляцию провода содрало об стальной уголок перекрытия крыши. Это привело к короткому замыканию, которое и избавило невезучего Кузена от неминуемой гибели.

Но, тем не менее, и этот несчастный случай не отрезвил бесшабашного Рому Вариводу. Всему, что с ним произошло, Кузен нашёл вполне разумное и логичное объяснение. Выходя накануне из гаража, он был изрядно под хмельком и залихватски кляцнул кулаком по выключателю. Вероятно, от этого молодецкого щелчка крепления выключателя сорвало, и он провис сантиметров на двадцать ниже обычного уровня. Поэтому, пытаясь нащупать рубильник на стене в темноте, Рома и ухватился за оголившийся фазовый провод. Впро-

чем, трёх важных вещей легкомысленный ветрогон так и не удосужился объяснить: отчего с фазового провод снялась изоляция, с какой стати под выключателем оказалась лужа солёной воды и почему в счётчике вместо предохранителя стояла толстенная медная перемычка.

Частичное прояснение в башке головотяпа наступило через три календарных дня поздним вечером. Уже затемно он возвращался привычным маршрутом домой от своей любовницы, и чуть было не угодил под колёса замызганного грязью грузовика. При всём притом пьяный шофёр не просто выкатил на тротуар, но упорно гонялся за Ромой от одной стены улицы до другой. Кузен в то время брил голову наголо. Очевидно, поддатый водитель воспринял отблеск его лысины как огонёк желанного придорожного кабачка. Рома успел юркнуть в знакомый ему проходной двор и выскочил на пустынную параллельную улицу. Прижимаясь к затемнённым углам, он видел, как заляпанный жижею самосвал голодным хищником колесил по всем окрестным кварталам. Кузену мерещилось, что кровожадный стальной монстр выслеживал улизнувшую от него добычу.

Вот тут-то мой двоюродный брат явственно осознал, что над самой его головою нависла неумолимая, роковая звезда. Ранненьким утречком он отправился к гадалке, провидице и экстрасенсу Кассандре Савельевне, которая, к величайшему счастью, жила неподалёку от его дома. Кузен слёзно просил

её побыстрее снять сглаз или порчу, навешанных на него неизвестными недругами и завистниками. Но духовидца потребовала, чтобы клиент поведал ей без утайки всё о своих нынешних тягостях, горестях и злключениях. И охваченный страхом Кузен выложил пророчице как на духу всю чистую правду и о своих херсонских, и о тернопольских похождениях. Он даже не скрыл от любознательной ворожеи, каким образом и чем именно его изнасиловали лукавые злоумышленники.

– Да-а-а-а, – многозначаше протянула потомственная гадалка, закатывая свои карие глазки. – Чёрные силы в кровавом тумане скрывают истоки твоих ужасающих бедствий, невзгод и напастей. Но проведение не зря привело тебя в дом искушенной и сведущей белой колдуньи. Чтоб не остаться в долгу за твою предстоящую вскорости щедрость, я приоткрою загадочный занавес вражых уловок, капканов и козней.

Кузену чудилось, что от вещающей провидицы основательно тянуло каким-то не очень свежим алкогольным напитком. Он даже в мыслях побоялся высказать слово «перегар», так как колдунья могла бы запросто проникнуть в его крамольные думы.

А ясновидица встала, неспешно приблизилась к золочённому ларцу и извлекла из него красноватую хрустальную сферу. Кассандра поднесла сферу к своему нахмуренному лику и решительно заглянула в её чародейские недра. Но

внезапно прозорливица глухо вскрикнула и чуть не выронила магический телевизор из побелевших и онемевших ладоней. Кудесница тяжело и надрывно дышала, а по её щекам и лбу катились крупные капли холодного пота. То ли она увидала в волшебном шаре кошмарную участь Кузена, то ли безмерно устала после вчерашних обильных «пророчеств».

С досады пророчица закатила сферу под кровать и раскинула на столе выдавшие виды гадальные карты. Минут пять она то перекладывала их, то собирала в стопки, то вновь небрежно разбрасывала по всей скатерти. Но Роме начало казаться, что делала это Кассандра чисто машинально, уставясь на стол слегка затуманенным и рассеянным взором. Причём на лице её запечатлелось такое мученическое выражение, будто карты были не листками картона, а тяжёлыми свинцовыми плитками.

Наконец, истощившись от утомительных богатырских манипуляций, ворожея раздражённо зашвырнула карты в золочённый ларец. Подойдя к Кузену походкой укротительницы змей, она принялась выделывать над его бритой башкой весьма замысловатые магические пасы. Во время этого сеанса она напевала какой-то весьма заунывный мотив, переходящий иногда в откровенные дикие завывания. Рома, как пришпиленный, застыл в полукресле, наблюдая, как Кассандра входила в устрашающий шаманический транс. Войдя в раж, колдующая дива приблизилась к клиенту настолько, что стала задевать его своими налитыми арбузными титька-

ми. Она буквально щекотала розовые щёчки и пяточек посетителя своими ещё не увядшими импозантными прелестями.

Доведя Кузена до должной кондиции, Кассандра резко склонилась к нему и, глядя в его глаза, сурово провозгласила:

– Мне с превеликим трудом удалось снять с тебя сильный сглаз и навеянную черным колдуном порчу. Этот бессовестный чернокнижник за тридцать серебряников и родную мать сведёт с Белого Света. Я очень хорошо знаю этого подлого и продажного прохиндея, хлюста и мерзавца. Неважно, кто ему заплатил. Теперь самое главное – это очистить тебя от скверны и защитить от повторного враждебного колдовства. Так что сейчас мы, немедля, переходим к очистительным магическим процедурам. А по их окончанию я скажу, что нужно будет тебе совершить для спасения твоей висящей на тоненьком волосочке жизни.

2. Всевидящая.

И пыхтящая от жгучего нетерпения, чаровница потащила Кузена за собою на довольно привольную дубовую кровать. То, что произошло с Ромой на ложе, он ни за что бы не назвал ни колдовством, ни волшебством, ни даже слегка беловатой магией. Несмотря на то, что знахарка имела весьма роскошные формы, хмельной запашок из её золотых уст не располагал её клиента к каким-либо возвышенным чувствам. Но жажда жизни заставляла Рому раз за разом исполнять все инструкции поднаторевшего в снятии колдовства экстрасенса. Мой двоюродный брат был потрясён тем разнообразием действий, которые нужно было совершить для реанимации его повреждённой ауры. По всей видимости, его энергетическое тело оказалось безмерно загрязнено демонической порчей и преднамеренным сглазом. Во всяком случае, чудодейственные процедуры длились два с половиной часа, а, может быть, и того больше.

В конце концов, программа магической реабилитации была полностью завершена. И Кассандра ласково проворковала Роме на ушко, что нужно сделать для полной фиксации защитного чародейства. Кузен чересчур резко вскочил с кровати и чуть было не свалился с копыт от полного изнурения. Но собрав свою волю в железный кулак он принялся соби-

рать по углам разбросанную ведуньей в экстазе одежду.

– Ты куда это собрался?! – вытаращилась на торопыгу округлившимися глазищами гадалка.

Ромины очи выпучились от удивления побольше, чем у его опекуни.

– Как куда?! Выполнять твоё поручение! Ты же сама сказала, что жизнь моя повисла на тоненьком волоске! – пролаял Кузен, натягивая на голое тело штаны и рубаху.

– А деньги?! – недоумённо захлопала ресницами Кассандра.

Рому так и подмывало сказать, что благородные гусары даже за такое безбожное извращение денег не берут. Однако он убоился, что ведьма тотчас же его превратит в маленького и зелёного царевича-лягушонка.

– Деньги доплачу потом! Ведь смерть может настичь меня даже в тот миг, пока я буду отслюнявливать тебе купюры!

– Имей в виду, несчастный блудливый кролик! – прорычала взбешённая колдунья. – То, что произошло с нами в постели, не является ни благодарностью, ни авансом, ни даже частью оплаты! Это был магический акт по очистке тебя от умертвляющей враждебной энергии чернокнижника! Ты разве не допёр, что я вытащила из тебя через пот и семья всю чёрную энергетическую грязь, и полностью взяла её на моё тело?! Так что ты даже представить себе толком не можешь, чем и насколько теперь мне обязан! Ты же не хочешь,

безмозглый придурок, чтоб я возвратила всю эту мерзкую гадость на прежние место?!

— Я к вечеру за всё тебе сполна заплачу! — крикнул из двери Рома, запихивая трусы и майку в карманы. — Но сейчас я не имею ни малейшего права терять ни единой драгоценной минуточки! Кстати, милая, ты обязана мне сделать существенную скидку! Очевидно, вчера ты снимала порчу и сглаз с какого-то алкаша, и часть его энергетической грязи перешла и в мою ауру! Так что сейчас мне волей-неволей, а надобно выпить грамм триста-четыреста натуральной немировской водки!

И Кузен вприпрыжку помчался в районное управление внутренних дел и аннулировал своё заявление об изнасиловании. На его сердце сразу же стало легче и интуиция ему подсказала, что никаких осложнений у него уже больше не будет.

Когда усталый Рома добрёл до дома своего тестя, где в то время и проживал, то увидел рядом с калиткой новенькое двадцатилитровое ведро. Вероятно, какой-то легковесный транжира бросил довольно добротную вещь, показавшуюся ему абсолютно ненужной. Кузен с любопытством заглянул вовнутрь сосуда и увидел там нечто весьма и весьма необычное. Точнее говоря, в ведре находился комплект обычных предметов, а необычным было их странное сочетание. На дне лежали: полнотелый силикатный советский кирпич, начатая пачка соли и обрывок обгоревшего электриче-

ского провода с выключателем на конце. Там же лежал ключ от зажигания, похоже, какого-то грузового автомобиля. Рома вытащил из ведра небольшой бумажный листочек, который оказался билетом на рейсовый теплоход на Потёмкинский остров. Дата на нём совпадала с тем самым днём, когда Рома чуть было не захлебнулся в днепровской водице.

Кроме того, в ёмкости оказались: моток прочной бельевой верёвки, ледоруб и бутылочка крысиного яда. Лично по моему мнению, это были атрибуты какой-то задуманной, но так никогда и не сыгранной пьесы.

У Кузена появилось зыбкое поползновение оттащить всё это в следственный отдел и потребовать снять со всех этих улик отпечатки пальцев. Но он вовремя спохватился и безнадёжно махнул рукой на это опасное и бесперспективное мероприятие.

С тех пор золотые часы лежат у него дома в укромном местечке, а история о битве с главарём банды неуловимых грабителей всплывает лишь после того, как Рома напьётся до полной потери самоконтроля.

– Слушай, Стёпа! А ты случайно не был знаком с капитаном Врунгелем? – наконец-то, не выдержал я вычурной трепологии гиганта.

– А он что, тоже в «Беркуте» служил? – ответил вопросом на вопрос гигант, но неожиданно глаза его прояснились. – Постой, постой! Ты, наверное, имеешь в виду старшего следователя Суворовского РОВД?

– Нет. Этот талантливый человек, кроме своего основного рода занятия, подвизался ещё и на литературном поприще, – проинформировал я друга.

– А-а-а. Так он тоже стихи сочиняет, – понимающе закивал Степан.

– Нет! Но он рассказывал весьма захватывающие и правдивые истории о своих невероятных приключениях! – «подковырнул» я исполина. – Так что все простофили и ротозеи по какой-то неведомой причине ему безоговорочно верили!

– Твои пошлые и вульгарные намёки, Василий, меня абсолютно не трогают, – гордо ответил Степан, но по его тону я догадался, что он всё-таки обиделся. – Вот так и доверяй какому-то неблагодарному маловеру самые сокровенный тайны своей жизни!

– Но ты ведь уже более получаса расписываешь мне происхождения своего непутёвого двоюродного братика Ромы, – посетовал я, но тут же выказал своё любопытство: – Кстати! А у Ромы действительно прекратились все его неприятности, и расплатился ли он с всемогущей Кассандрой Савельевной?

– У Кузена действительно всё в жизни наладилось и, казалось, что Фортуна снова повернулась к нему фасадом, – хитровато ухмыльнулся гигант, почёсывая подбородок. – Но с Кассандрой Савельевной он никак не отваживался рассчитаться. Во-первых, его давила жаба, что он сам не догадался забрать заявление после первого же тревожного «звоночка». Во-вторых, он очень сильно опасался, что при расчё-

те целительница пожелает для гарантии очистить его карму вторично. А ослабленный организм моего братика мог и не выдержать таких запредельных космических перегрузок. Но зато он растрепался по всему городу о том, как Кассандра помогла ему избавиться от порчи чёрного мага и сглаза целого полчища злобных завистников. Как оказалось, все друзья и знакомые Ромы так же особой неразговорчивостью не страдали. Слава о всевидящем экстрасенсе и даровитом целителе мгновенно распространилась по всей Украине.

Только через три недели Рома почувствовал, как совесть начала очень слабенько шевелиться где-то в районе его промежности. Ему стало чудиться, что процедура очищения от скверны была вовсе не такой уж неприятной и мучительной. И если перед сеансом принять соответствующую дозу алкоголя, то этим можно нивелировать ароматы из утробы его страстной целительницы. Кузен исходил из железного принципа, что два зелёные змия друг другу плохо пахнуть не могут.

Сластёна отправился к дому Кассандры, но у её обычно пустынного подворья стояла густая толпа взволнованных посетителей. Кузен было сунулся в обход длинной очереди, но его вышвырнули со двора изрядно разгневанные пациенты. Какой-то сердобольный старичок посоветовал Роме записаться на приём к прорицательнице у её нового секретаря-распорядителя. Моему братцу указали на времянку, на двери которой была пришпилена табличка «Запись на при-

ём».

– Сейчас я позвоню по только мне известному телефону, и меня тут же примут без какой-либо проволоочки! – громогласно заявил самонадеянный Кузен и вытащил из кармана свой мобильник.

Все присутствующие изумлённо вылупились на такого солидного, важного и состоятельного клиента. Видно, их страшно поразило то, что он пришлёпал пешком, а не приехал на фаэтоне или стреч лимузине.

– Кассандра?! Это я, твой друг Рома! – надменно провозгласил в микрофон знающий себе цену нахал. – Мне хотелось бы воздать тебе должное за твои неоценимые услуги! Но какие-то наглые и подозрительные типы не допускают меня к твоему телу!

Кузен включил мобильник на громкую связь, чтоб все окружающие слышали реплики его близкой подружки.

– Не нужна мне твоя запоздалая щедрость, – послышался холодный и жесткий голос гадалки. – Лучше отдай свои жалкие деньги в сиротский приют или на реставрацию Кладбищенской церкви. А воздавать людям должное нужно вовремя, когда они от тебя этого ждут. У меня нет ни времени, ни желания, чтобы общаться с брехливыми и неблагодарными субчиками.

Рома тут же выключил громкую связь и подобострастно залебезил в телефонную трубку:

– Кассандрочка! У меня неожиданно возникли непредви-

денные обстоятельства! И мне понадобилось много времени, чтобы урегулировать все не терпящие отлагательства проблемы! Но сейчас уже всё утряслось, и я полностью в твоём нераздельном распоряжении!

– Поздно, мой шкодливый, деловитый дружок, поздно, – с едва скрываемой горечью ответствовала ведунья. – Благодаря твоему бескостному, болтливому язычку, моя клиентура за последние три недели удесятилась. Всё моё рабочее время поминутно расписано на три с половиной месяца вперёд. К тому же есть много состоятельных клиентов, которых за особо щедрую плату я готова принять и во внеурочное время. Извини, но меня уже с нетерпением дожидается очередная посетитель.

– Милая моя девочка! Посетители могут и денёчек-другой переждать! – заюлил Кузен и попытался нажать на болевую точку колдуньи: – Я тут принёс марочного массандровского шампанского и бутылочку Наполеона. Самое время отметить успех нашего общего дела!

– Я больше не употребляю спиртного, так как это несовместимо с моей работой! – резко отрезала Кассандра, но неожиданно голос её смягчился. – После того, как ко мне потоком хлынули больные и страждущее, я осознала, что целительство – это моё истинное предназначение. Я получила этот Божественный Дар, чтобы всецело служить людям.

– Кассандрочка! – захныкал Кузен, тшась надеждой, что его пассия просто ломается и капризничает. – Это ты или же

тебя какие-то сверхъестественные силы подменили?

– Меня подменили, – сухо ответила чаровница. – И возврата к прошлому уже никогда не будет.

– Но мне срочно необходим твой мудрый и дельный совет, – в панике заскулил Рома, понимая, какая шикарная грудь ускользает из его загребущих ручонков.

– Позвони где-то ближе к рождественским праздникам, – не очень-то и уверенно обнадёжила Кузена колдунья. – Может быть, мне и удастся найти маленькое окошко в моем слишком плотном и перегруженном графике. А дельный совет я могу дать тебе прямо сейчас. Бахвальство и неблагодарность наказываются не колдунами, не магами, не людьми, а непостижимыми и всемогущими Высшими Силами. И эти вездесущие Силы неумолимы, безжалостны и бесстрастны. Избежать их кары можно лишь живя по законам нашего мира, которые написаны отнюдь не царями, не президентами и не пророками. А эти законы не всегда совпадают с моралью и кодексами, по которым живёт основная часть человечества. И уноси поскорей из города ноги, покудова голова твоя ещё целая и невредимая. Моя интуиция мне подсказывает, что до счастливого Рождества ты можешь и не дожить. Прощай, мой шаловливый и ветреный друг.

Кассандра бросила трубку, и пристыженный Рома удалился с подворья ясновидицы под насмешки и улюлюканье её многочисленной клиентелы. Но не успел он отойти от калитки даже на десяток шагов, как все измывательства и издѣв-

ки пациентов словно ножом обрезало. У Кузена от волнения ёкнуло сердце, — и на его лице заиграла лучезарная и торжествующая ухмылка. Он был уверен, что раскаявшаяся Кассандра выскочила из дома и, раскрыв объятия, бросилась за покорившим её сердце мужчиной. Однако, круто обернувшись, обольститель чародеек осознал, что внимание посетителей привлекла совершенно иная персона.

Из времянки вышел стройный мужчина среднего возраста в старомодном, но безупречно сидящем на нём сером костюме. Своим аскетическим ликом с аккуратными усиками и бородкой он больше походил на разоблачившегося батюшку или монаха. Однако его можно было бы смело принять и за доктора медицины, позабывшего одеть свой белоснежный халат. За мужчиной мелко семенила по виду забитая сельская женщина из какого-то довольно отдалённого от Херсона села. Её застиранное одеяние и поношенные туфли говорили, что она вовсе не из зажиточной или благоденствующей семьи. На руках селянка несла грудного ребёнка, завернутого в потертый старенький плед. Мужчина решительно направился к дому провидицы, приглашая женщину мановениями следовать за собою.

В толпе посетителей послышался глухой, недовольный ропот, с оттенком чванливого и брезгливого возмущения. Мужчина остановился, обернулся к толпе и властным жестом призвал всех присутствующих к тишине и спокойствию.

– Прошу всех пациентов внимательней изучить расписание приёма, который висит у самого входа в лечебницу, – послышался спокойный, но твёрдый голос распорядителя. – Там чёрным по белому написано, что женщин с грудными детьми и больных, которые нуждаются в неотложной помощи, целительница принимает вне очереди. Но всех, кто записался на сегодняшний день, Кассандра Савельевна примет в обязательном порядке, даже если ей придётся работать до позднего вечера.

– Интересно, и кто же это определяет, кому необходима неотложная помощь? – послышался из толпы еле слышимый голосок, в котором сквозили нотки сарказма.

– Я и определяю, – без какой-либо тени высокомерия ответил распорядитель. – Медицинское образование, духовный сан и двенадцатилетний стаж в монастырской лечебнице позволяют мне это делать безукоризненно. Немощные и страждущие должны получать помощь безотлагательно.

– Правильно! – зычно откликнулся из очереди опирающийся на костыль плюгавенький мужичок. – Ротозеи и бездельники, которые припёрлись сюда за пророчествами, могут немного и подождать!

На него тут же по-змеиному зашипели стоящие рядом разодетые холёные личности. Распорядитель же по-хозяйски раскрыл дверь и пропустил женщину с младенцем в жилище целительницы.

Рома едва было не взвыл тамбовским волком от охватив-

шей его жгучей досады. Ведь приди Кузен к Кассандре на две недели раньше, то именно он мог бы оказаться на козырном месте распорядителя. А какие бабки можно было бы защищать, манипулируя живой очередью нетерпеливых, страждущих посетителей! Роме хотелось пасть ниц в прах и рвать волосы на своей скудоумной, безмозглой головушке. Но подобного акта мазохизма ему не давала свершить его выбритая до зеркального блеска «макитра». Рвать же волосы в иных шерстистых местах тела Кузену не позволяли элементарные нормы приличия.

(С тех пор Рома перестал брить голову, хоть и полагал, что его благородный череп мыслителя мог бы украсить и самый взыскательный анатомический театр. Дальнейшие события наглядно показали, что эта превентивная мера оказалась вполне оправдана. Впоследствии Кузену не раз приходилось в отчаянии рвать патлы на своей шалопутной и непутящей кубышке.)

Рома по-старчески медленно развернулся и уныло поплёлся к своей любящей, но приевшейся ему женушке. Но печалился и горевал Кузен не долго и пришёл к очевидному выводу, что «всё что не делается – делается к лучшему». Ясное дело, что гонорар прозорливицы отдавать ни в сиротский дом, ни в какую-нибудь церковь Рома не собирался. Он искренне считал, что полностью рассчитался с кудесницей, растрезвонив об её искусности не только в Херсонской, но и в Тернопольской области. Именно благодаря моему дво-

юродному братцу между этими областями наладились довольно-таки тесные духовные взаимосвязи. Херсонцы ехали в Почаевский монастырь за пророчествами и исцелением, а тернопольцы стремились за тем же «товаром» к херсонской целительнице и провидице Кассандре Савельевне.

Степан внезапно запнулся и с подозрением присмотрелся ко мне.

– Слушай, Василий! Судя по твоей недоверчивой физиономии, ты не очень-то и веришь в способности своей знаменитой землячки!

– Ну, почему же! – без особой категоричности возразил я другу. – Может статься, что Кассандра и действительно великая знахарка. Но то, что она два года назад напроорочила моей супруге, так почему-то до сих пор и не сбылось. Между прочим, перед самым моим отъездом в Португалии по городу поползли упорные слухи, что у Кассандры совсем крыша поехала. Она собиралась постричься в монашки и перебраться в какой-то женский монастырь в горном Крыму. А как на твоём двоюродном братце сказался разрыв с его всевидящей и всезнающей попечительницей?

– А бесшабашный Рома Варивода зажил беззаботно, легко и счастливо, не отказывая себе в незатейливых плотских утехах и удовольствиях, – со странной печалью в голосе уведомил меня мой светловолосый товарищ. – Но не прошло и полного месяца, как на него лавинообразно обрушились новые напасти, которые каким-то чудом не стёрли его с ли-

ца Земли-Матушки. Он бросился за помощью к своей спасительнице Кассандре Савельевне. Но та, по-видимому, сменила номер телефона из-за настырности и назойливости бесчисленных просителей. А нанятая ей охрана и близко не подпускала всякую мелкую шантрапу к её благородным чародейским стопам.

Кузену пришлось срочно бежать не только из родного города, но и с территории Украины. И где он сейчас обретается, не знают даже его ближайшие родственники. Быть может он где-то здесь, совсем рядышком, затерялся в разношерстной толпе гастарбайтеров. Да разве найдёшь человека, который за несколько лет не подал о себе даже кратенькой весточки? Среди нашего брата-иммигранта есть много парней, что скрываются от людей, для которых в Украине законы не писаны.

– Так что же за ужасающая катастрофа обрушилась на голову Ромы Вариводы? – помимо воли напряг я внимание.

– Да это уже совсем другая история и без бутылки водки её навряд ли расскажешь, – криво улыбнулся Степан и спустился с парашюта. – Даст Бог, когда-нибудь и поведаю её тебе на досуге. А нам пора потихоньку двигаться. Гастарбайтера ведь не только руки, но и быстрые ноги кормят.

И мы стряхнули с брюк пыль, выбрали наши вещи и отправились к крепости Кейжу на нужную нам остановку автобуса.

3. Ракушняковый истукан.

Конец мая 2002-го года.

Умываясь обильным потом, я петлял за Степаном в снующей туда-сюда пёстрой толпе, стараясь ни в коем случае не потерять гиганта из вида. Едкий запах пота, исходящий от встречающих туристов и горожан, подтверждал, что не только я один страдаю от нестерпимого зноя. Над чересчур узкой, но ровной как стрела улицей Сапожников нависали довольно-таки высокие здания. Однако полуденное солнце светило как раз вдоль неё и от жгучих лучей невозможно было где-либо укрыться. Наконец, добравшись до Арки Бандейра, мы прошмыгнули под её благодатной тенью и выгреблись на раздольную площадь короля Педру IV. Прямо перед нашим взором возник трёхуровневый фонтан, украшенный статуями тритонов, nereид и изрыгающих воду морских чудищ. За фонтаном возвышалась величественная колонна, которую венчала бронзовая фигура воинственного монарха. На макушке португальского короля, а по совместительству и бразильского императора, горделиво восседала чайка, замещающая самодержцу и парик, и шляпу, и диадему, и корону.

С опаской перебежав проезжую часть, мы приблизились к громадной чаше, бросили у её подножья сумки и омыли наши лики и шеи не в очень-то и прохладной водичке. Мой

высокорослый компаньон привёл себя в порядок, по-молодецки подтянулся и, взглянув на памятник, посочувствовал незавидному положению короля:

– Бедный Педру! Стоит в плаще, мундире и в сапогах на самом солнцепёке и смотрит, как туристы хлещут холодную газировку и уплетают мороженное в окрестных кафешках! Ну, чем тебе не вечные танталовы муки! Ух ты! Смотри! А вон в том кафе, под вывеской «Nicola», собираются именитые португальские писатели и поэты!

Я перенаправил мой рецензорский взор в указанном направлении и увидел знаменитое кафе, которое некогда облюбовали музы. Перед его входом на эспланаде стояло около двух десятков столиков под большими квадратными солнцезащитными зонтиками.

– Может когда-то здесь и собиралась португальская богема, но нынче она не в силах конкурировать с богатыми за океанскими и западноевропейскими туристами, – высказал я моё компетентное мнение. – Да ты только посмотри на эти самодовольные и сытые ряхи заезжих посетителей! От них же возвышенным вдохновением и духом литературного творчества даже и близко не пахнет! А те двое ханыг, что сидят за крайним справа столиком, так и вообще непонятно, как сюда приبلудили!

– Не стоит, мой друг Василий, судить о людях по их невзрачной изношенной одежде, – осуждающе покачал головой гигант. – Может быть, это новые португальские мене-

стрели, несущие перлы своего творчества в народные массы. И пройдет всего лишь несколько лет, и они получают заслуженную награду за свой самоотверженный созидательный труд.

– Не знаю, куда стреляют твои менестрели, но пока что «стрелы» их беззаветного творчества попадают точнёхонько в «молоко», – саркастично скривил я губы. – А если судить по бутылкам, стоящим под их столом, – то скорей всего улетают в бездонный океан алкогольных напитков. Да ты только взгляни на этого седеющего увальня с отмороженной рожей, который сидит к нам «фасадом»! Все шедевры этого барда накоплены в дряблых мешках под его безжизненными и бесцветными глазками! А он тебе случайно не напоминает изваяние каменного истукана, вытесанного из грубого серого ракушняка?

Угрюмый персонаж, которому я перемывал косточки, и действительно особой жизнерадостностью и цветущим видом не страдал, хотя и выглядел достаточно плотно сбитым амбалом. Мне показалось, что если бы он встал во весь свой рост, то сравнялся бы с моим двухметровым другом Степаном. словно прочитав мои мысли, каменный дуболом неспешно поднялся и, по-старчески кряхтя, раздвинул в стороны свои коленки. Мне даже почудилось, что я услышал мерзкий, тошнотворный хруст во всех суставах его нижних конечностей. Засунув руки в карманы, он через них неторопливо, но обстоятельно почесал и свои «бильярдные шары»,

и прилегающий к ним орган.

Впечатление о высокорослости громилы оказалось обманчивым, ибо его короткие как обрубки ноги вовсе не гармонировали с его длинным, но кряжистым туловищем. Однако всё равно он выглядел намного внушительней сидящего рядом с ним черноволосого парня в потёртой бейсболке. Событийный молодой человек был облачён в поношенные джинсы и клетчатую рубаху, которые, похоже, не стирались и не гладились со времени Карнавала. Да и его длинные жирные волосы, выбивающиеся из-под головного убора, мылись в последний раз не позже Чистого четверга в канун Пасхи. Несомненно, парень был чем-то ужасно огорчен и мне показалось, что он даже потихонечку хлюпал своим носом.

А заторможенный амбал, закончив жесткий массаж Муладхара чакры и её окрестностей, вытащил руки из карманов и с нарочитой неторопливостью уселся на стул. С той же подчёркнутой медлительностью, он вытащил из-под стола бутылку «Абсолюта» и доверху налил в свой пустой стаканчик кристально чистый напиток. «Дегустатор» что-то крякнул своему соседу и тот поднял с пола залапанную бутылку, закупоренную самодельной затычкой из пробкового дуба. И хотя содержимое её напоминало воду из сточной канавы, парень бесстрашно плеснул в свой стаканчик эту весьма подозрительную суспензию. Но если черноволосый «практикант» хлобыстнул свою микстуру залпом, то его умудрённый сединами «наставник» цедил своё пойло замедленно, с

удовольствием. От одной только мысли, что мне пришлось бы пить водку такими маленькими глоточками, мой желудок чуть было не вывернуло наизнанку.

Безусловно, этих двух субчиков нельзя было принять за собутыльников, так как наливали они себе из своих индивидуальных посудин. Да и сотрапезниками их навряд ли можно было бы назвать, поскольку наличие закуски на столе не наблюдалось. Впрочем, и близкими друзьями эти разносортные фрукты явно не являлись, потому как один из них был в слезах, а второй даже словом не пытался его утешить.

И тут седоватый увалень заметил, что мы со Степаном внимательно наблюдаем за его заскорузлой личностью, – и это ему нисколько не понравилось. С медлительностью заржавевшего робота он повернул к нам свой «котелок» и недружелюбно уставился на нас своим леденящим, колючим взором. Глаза его напоминали кремневые наконечники допотопных стрел, направленные остриями навстречу друг другу. Брови «Каменного гостя» мало-помалу накренились вовнутрь и по-черепашьи поползли к основанию переносицы. И когда они там сомкнулись, то мне показалось, что от их столкновения черты лица каменного истукана вот-вот обсыплются как старая штукатурка. Черноволосый парень словно почувствовал нарастающую напряжённость и поднял свой заплаканный лик к безгласному серому ракушняковому идолу.

– Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный!

Помилуй нас! – взревел Степан не в силах сдержать своих бурных эмоций. – Да это же мой запропавший безвести двоюродный брат Рома Варивода! Глазам своим не верю!

Я потрясённо уставился на закоснелого увальня – и тоже не поверил своим очам. Семь с половиной лет назад мне, хотя и впотьмах, и мельком, но всё-таки посчастливилось увидеть Рому Вариводу. Но тогда он выглядел молодым, цветущим, крепким мужчиной, которому даже фатальное падение на цементное дно бассейна нисколько не повредило. И пускай он за это время заметно подрос, возмужал и заматерел, но зато огрубел, поседел и превратился в какое-то бетонное чудище-страшилище. Из жизнерадостного, неунывающего живчика он превратился в угрюмого, бесчувственного и заторможенного монстра! Единственное, в чём не изменил себе Роман, так это в выборе принимаемого вовнутрь алкоголя. По словам Степана, его кузен, ещё будучи успешным бизнесменом, употреблял только самые дорогие и изысканные горячительные напитки.

Наконец, гигант пришёл в себя и стремительно бросился к своему набыченному и неприветливому двоюродному братцу. Мне ничего не оставалось, как подхватить свою и Степанову сумки и засеменить вслед за моим чрезмерно впечатлительным приятелем. Впервые на лице амбала проявилась неоднозначная эмоция и он предупреждающим стоп жестом вознамерился нас затормозить.

– Вас сюда никто не приглашал! Валите отсюда подоб-

ру-поздорову! – услышал я голос, который никак не соответствовал грозному виду увальня, а больше напоминал скрипучие сетования тощего желчного старика. – Здесь вам не благотворительная организация, где наливают каждому встречному-поперечному!

Но несмотря на протесты увальня, белокурый богатырь подскочил к худощавому парню и, сорвав слезливого нытика с места, круто развернул его лицом к себе. От столь резких движений безвольно болтающаяся голова брюнета лишь чудом не оторвалась от тулова и не отлетела в сторону. Вот только тут до меня, наконец-то, дошло, что этот изнеможённый доходяга и является кузеном Степана Тягнибеды. Рома Варивода удивлённо поднял свои карие очи кверху и его изнурённый лик озарился торжествующим внутренним светом.

– Да неужто Господь услышал мои молитвы и послал мне Ангела-Спасителя в образе моего брата! – возликовал воспрянувший духом Роман и повис на шее своего кузена. – Какое счастье, что ты меня нашёл! Теперь-то я уже ни за что не сгину на далёкой чужбине!

– Утри свои слёзы, братишка! – с нескрываемой нежностью усмехнулся великан и протянул Роме свой вымятый, но вполне чистый носовой платок. – И как же ты только дожился до такого низменного, бомжеподобного состояния?

– Да об этом без канистры багасейры навряд ли расскажешь, – с печалью Пьеро вздохнул пасынок Судьбы. – Давай

присядем за столик, а то что-то мои ноги меня совершенно не держат. Мне уже две недели никакая еда в рот не лезет.

– А это мой лучший друг Василий, – представил меня Степан и уселся по правую руку от брата. – Мы с ним приехали в наше посольство, чтоб встать на учёт и получить все необходимые справки для продления визы.

Я передал Степану его сумку, и мы обменялись с Ромой крепким, дружеским рукопожатием. Невзирая на то, что кареглазый брюнет был лишь чуть ниже среднего роста, но рядом с высоким и голубоглазым блондином Степаном он выглядел невзрачным подростком. И даже самый искушённый физиономист не осмелился бы предположить, что эти два антипода являются хотя бы отдалёнными родственниками. Усевшись по левую руку от Ромы, я обратил мой радушный лик к угрюмому пентюху в надежде, что он самолично представится своим соотечественникам. Однако в его немигающих тусклых, бесцветных глазах отразилась всего лишь одна отчуждающая и недружелюбная мысль: «Понаехали тут всякие-разные!» Кузен Степана явственно учуял нарастающую наэлектризованность атмосферы и попытался предотвратить приближающуюся грозовую бурю.

– Познакомьтесь с моим товарищем и коллегой Гришей Дановичем, с которым мы работаем... – тут Рома запнулся, помрачнел и скорректировал свою фразу – ... вернее работали в строительной фирме «Varata e Neto». Вы только не смотрите, что на первый взгляд он кажется нелюдимым и ма-

лообщительным человеком.

– Не понял! Ты хотел сказать, что твой коллега сам себе на уме или же что он хитрющий как Лиса Патрикеевна? – попытался уточнить намёки Ромы въедливый гигант.

– Нет-нет! – отрицаяще замахал руками брюнет словно протирая запотевшее витринное стекло. – Григорий – эрудированнейший человек и обладает глубокими энциклопедическими познаниями! Он закончил философский факультет Киевского национального университета и его аспирантуру, а потом остался работать там преподавателем. Но ретрограды изгнали его оттуда под лживым, надуманным предлогом, а если по правде, то за вольнодумство и своеобразное видение истории Украины!

– А давай-ка я попробую угадать, по какой формулировке уволили твоего кореша, – не унимался Степан. – Его выперли из университета за неуживчивый характер и за неуважительное отношение к своим коллегам и сотрудникам.

– Стёпушка! А может, всё же не будем зазря обострять отношения? – попытался Рома замять назревающий скандал. – Все мы стали жертвами развала Советского Союза и все мы приехали сюда на заработки не от хорошей жизни.

Мы с исполином сфокусировали наши взоры на истукане, ожидая его ответного хода, однако «Каменный гость» так и остался безмолвным. Внезапно я догадался, почему голова нашего оппонента казалась вытесанной из грубого серого ракушняка. Сочетание морщин и многочисленных оспинок на

его лице и предавали ему схожесть с окаменелым монстром. Но тут я заметил, как грубые черты отморозка начали таять, смягчаться и расплываться, – и за минуту он превратился в безобиднейшего болвана, слепого из серого теста.

– Так ты и есть тот самый кузен Степан, о котором нам постоянно талдычил Рома? – слышались заискивающие нотки в скрипучем голосе мимикрирующего увальня. – Ты ведь всегда был для него кумиром и примером для подражания. Когда Рома влипал в очередную неприятную ситуацию, то он постоянно сетовал: «Вот мой кузен Степан непременно бы нашёл выход из этого тупикового положения!» За это к нему и прилипла кличка «Кузен», и по-другому работяги из нашей фирмы его и не кличут. А это правда, что ты в одиночку спас Кузена от дюжины обнаглевших рэкетиоров на волынском авторынке?

– Ну, Рома иногда любит слегка преувеличивать, а мне считать этих оболтусов тогда было недосуг, – расслабился Степан и с благодушной улыбкой откинулся не спинку стула, заменяя себе подголовник сцепленными в пальцах ладонями. – Хотя если напрячь память... Да-да! Этих недоумков было тринадцать! Но надо честно признаться, что мой брат весьма деятельно помогал мне успокаивать этих нервных кретинов! Я сбивал с ног зарвавшихся мальчиков словно кегли, а Рома считал и оттаскивал в сторону их бесчувственные тела. Один из этих нахалов смылся, не дождавшись своей очереди, так что можно считать, что их было две-

надцать.

– Да что мы понапрасну напрягаем наши несмазанные голосовые связки?! – прервал рассказ брата Кузен с большой буквы. – Сейчас я попрошу подавальщика принести ещё два стакана, и мы выпьем за нашу невероятную неожиданную встречу!

– И что же мы будем пить? – сразу же насторожился гигант.

– Да у меня тут в бутылке ещё три четверти багасейры осталось! – сладостно улыбнулся Кузен, словно предлагая нам марочный французский коньяк многолетней выдержки. – Эта местная виноградная водочка довольно-таки забористая штука!

Степан взял из рук Ромы замызганную литровую бутылку, вытащил затычку и, поднеся горлышко к носу, брезгливо поморщился. И хотя я сидел от гиганта на расстоянии в полтора метра, но и мои ноздри обласкал запах, от которого меня едва не стошнило.

– Какая же это виноградная водка?! – возмутился мой друг. – Да это же вонючий самогон однократной перегонки из виноградных отжимков! А в этих изрядно-таки спрессованных отжимках остались лишь только одни виноградные косточки!

Гигант вскочил на ноги, подбежал к ближайшему мусорному ящику и с размаху воткнул туда отбракованную бутылку. Но, как видно, там внутри уже находилось нечто предель-

но крупное и достаточно твёрдое. Мы услышали хруст лопнувшего стекла, – и из ящика потекли струйки грязноватой жидкости.

– Да что же ты наделал! – волчонком взвыл Рома и в отчаянии швырнул на пол свою выдавшую виды бейсболку. – Я ведь купил эту багасейру на мои последние деньги!

– До чего же ты докатился, братишка! – попенял Степан своему кузену. – На улице такая жарница, а ты хлещешь какое-то сомнительное пойло, да ещё и на совершенно пустой желудок! Да ты же так с копыт свалишься!

– Для настоящего крепкого мужика водка – это самый надёжный и эффективный источник энергии, – вступился за Кузена его смурной коллега.

– А скажи мне мил человек, сколько тебе годков будет? – по-ленински прищурившись и слегка склонив голову набок, переключился исполин на доброжелателя-провокаатора.

– Ну-у-у, совсем недавно сороковник стукнул, – заметно стушевался Гриша Данович в ожидании какого-то подвоха.

– Очевидно, он основательно по тебе шандарахнул, коли выглядишь ты на полный полтинник! – зацепил Степан увальню за живое. – Вот моему брату, насколько я помню, на медни исполнилось тридцать четыре! А вы с ним рядышком смотрите как неизлечимый пропойца-папаша и его юный недоучка-сынишка!

– Так это тяжёлая, горькая и изнурительная жизнь составила меня раньше срока, – принялся оправдываться дипло-

мированный пентюх, но гигант не дал ему отбрезаться.

– А у кого из тех, кто приехал сюда на заработки, жизнь на Родине была гладенькая и сладенькая? Вот Василия тоже тяжкая и безотрадная жизнь основательно потрепала, а выглядит он как молодой и цветущий мужчина. И никто, никогда, ни за что не поверит, что ему этой зимой уже сорок шесть исполнилось! А всё это только потому, что он никогда не злоупотреблял ни водкой, ни куревом, ни женщинами, ни дурманящей травкой, ни прочими вредными излишествами! Не правда ли, Василий?!

Мне стыдно было врать моему верному товарищу и пришлось выкладывать всю неприглядную правду-матушку на чистоту.

– Каюсь! Злоупотреблял! – понутив голову, признался я в тридевятом смертном грехе. – Злоупотреблял советами «добрых» людей, которые, по их же словам, обладали глубокими энциклопедическими познаниями во всех сферах жизни. И обычно они давали свои премудрые рекомендации во время шумных застолий, после того как изрядно закладывали за воротник. Наверное, именно за эту порочную провинность я и попал на исправительные работы в Португалию.

– Тебе нужно было следовать рекомендациям лишь только тех людей, которые употребляют самые изысканные и дорогостоящие алкогольные напитки! – встал на защиту бухающих знатоков их эрудированный коллега. – Эх! Если бы мы познакомились с тобой ещё в Украине, то я непременно бы

дал тебе парочку-тройку ценнейших житейских советов!

– Вообще-то, твой нынешний экстерьер, Гриша, – неважная реклама для твоего консультативного агентства «Доверие», – едко подметил Степан и, неожиданно смягчившись, лукаво подмигнул алкогольному энциклопедисту. – Да признайся же сам себе честно и откровенно, что это спиртное, дымящий дурман и продажные шлюхи довели тебя до такого плачевного вида!

– Я пью только самый качественный алкоголь, да и то только до определённой кондиции, которое МЫ называем изменённым состоянием сознания, – понизил свой голос почти до шёпота заговорщика Гриша. – А это позволяет расширить человеческие возможности до невероятных, сверхъестественных пределов.

– А ты разве не заметил, что для достижений этих кондиций с каждым годом необходимо всё больше и больше горячего, – с неназойливостью нарколога подметил Степан.

– Марихуана или анаша тоже помогают «дервишам-странникам» достигать необходимого психического состояния, – пропустил мимо ушей Степанову шпильку кандидат в сверхчеловеки. – Да тебе любой прогрессивный медик скажет, что марихуана – это психотропный препарат, который эффективно помогает снимать даже самые тяжёлые стрессы и депрессии. И пройдет всего лишь несколько лет, как каннабис можно будет купить даже в самой захудалой ветеринарной аптеке. И с чего ты, вдруг, решил, что я пользуюсь услугами

только лишь дешёвых и нечистоплотных куртизанок? Есть и высококвалифицированные профессионалки, которые судят о достоинствах клиента не по кошельку и внешнему виду, а по его внутреннему духовному богатству. К тому же ещё не перевелись высокообразованные дамы, которые ценят настоящих мужчин не за деньги, а за их мудрость, эрудированность и прозорливость.

– Ну ты и загнул, Гриша! Да ты, наверное, уже давненько в зеркало не смотрелся! – не на шутку развеселился тернопольский богатырь. – Ни за что не поверю, что какая-то высокообразованная дура отважилась бы за бесплатно лечь с тобой в постель, не заверив у нотариуса свою последнюю волю! А на посещение будуаров высококлассный гейш и куртизанок у тебя денежек даже на сквозной проходной билет не хватит!

В то время как белокурый исполин и оттаявший отморозок препирались в бесполезных и бесплодных спорах, я искоса поглядывал на Рому Вариводу. От моего взора не ускользнуло, что влажные глаза страдальца помутились и закатились, и тело его безвольно закачалось на стуле. К величайшему счастью, бедолага начал валиться в мою сторону и мне удалось вовремя подхватить его за подмышки.

– Да прекратите же вы ваш идиотский диспут! – зарычал я на записных вербальных дуэлянтов. – Пока вы тут упражнялись в академичном словоблудии, Кузен только что чуть было не упал в голодный обморок! Если бы он грохнулся на

бетонные плиты, то нам бы вскладчину пришлось платить за ремонт тротуара! Вы разве не догадываетесь, почему Рома сказал, что ему уже две недели никакая еда в рот не лезет?

Степан и Гриша удивлённо переглянулись, а затем вопросительно уставились на меня.

– Да просто потому что в его рот лезть было нечему! – расталдычил я витающим в облаках полемистам.

– Ха! Ну вот и ещё один простак попался на удочку Кузена! – сардонически захихикал самозванный дервиш. – Даже когда Рома был при деньгах, он чисто из экономии питался просроченными продуктами, выброшенными из супермаркетов в мусорные контейнеры. Так что от голода он навряд ли умрёт.

– А тебе было бы приятней, если бы мой двоюродный брат скопытился от пищевой интоксикации или от ботулизма, – устыдил белокурый гигант толстокожего циника. – А ещё и претендуешь на звание его лучшего друга!

– Это неправда! Я никогда не кормился отбросами, если в моих карманах звенели тугрики, – нервозно заскулил Кузен и вдруг захныкал как избалованная девочка из кинофильма «Королевство кривых зеркал», – Я есть хочу, я пить хочу!

Степан поднялся во весь свой рост и, узрев у дальнего столика суetyащегося подавальщика, попытался призвать его к нам выразительным жестом и зычным гласом:

– Уважаемый официант! Соизвольте незамедлительно подойти к нашему столику! Здесь есть респектабельные клиен-

ты, которые рискнут осчастливить вашу забегаловку солидным заказом!

Однако перегруженный работой служащий кафе не обратил на вежливые призывы полесского богатыря никакого внимания. Тогда Степан понизил тон своего голоса чуть ли не до границ ультразвука, но увеличил его силу как минимум вдвое. Могучий бас-профундо буквально всколыхнул воздух над площадью Педру Четвёртого! И я заметил, как волосы клиентов кафе зашевелились будто бы от порыва свежего северо-восточного ветра. Мой друг Иерихонской трубой прогудел всё ту же деликатную просьбу, но теперь уже на английском языке, добавив к ней смачное «God Damn!» Эти слова тугим бичом хлестанули по затурканному подавальщику, ибо сложенные рупором ладони исполина сконцентрировали на нём всю силу низкочастотного звука.

Мощная звуковая волна и безотчётный животный ужас буквально отшвырнули официанта от столика, – и он едва-едва устоял на трясущихся ногах. В жутком испуге подавальщик блуждающим взглядом просканировал эспланаду и заметил у дальнего столика великана, неназойливо манящего его рукой. И хотя голубоглазый блондин своим ликом не походил ни на злодея, ни на уголовника, но двухметровый рост и завидная мускулатура глубоко впечатляли не знавших его людей. Забыв о своих ещё необслуженных клиентах, официант пошатываясь затрусил к нам, цепляя сидящих за столами посетителей бёдрами и локтями. По пути он

выдернул из рук лысоватого тощего джентльмена и его до-
родной супруги меню, не обращая внимания на их негодую-
щие и сулящие кару протесты.

Представ перед нами, молодой человек выложил на стол
передо мной и Степаном меню и застыл на полусогнутых но-
гах в нелепой угоднической позе. Его раболепная стойка как
бы сама за себя говорила: «Не обижайте меня, ради Бога! Я
ведь такой маленький!»

4. Таракан и К^о.

– И что Вам угодно заказать, достопочтимые сеньоры? – наконец-то, с грехом пополам выдавил из себя официант и поправил свою съехавшую набок бабочку. Гигант, склонившись над парнем, зашептал ему что-то на ухо и тот, утвердительно кивнув, стремглав помчался на кухню.

Не прошло и пяти минут, как наш столик был полностью заставлен разнообразными блюдами как из мясных, так и из морепродуктов. Все эти яства были приготовлены для американских туристов, но их вежливо попросили ещё немножечко подождать. Впрочем, всё это изобилие изысканной пищи полностью предназначалось изголодавшемуся Роме Вариводе. За пол часа до нашей встречи с Кузеном мы со Степаном основательно подкрепились в небольшом китайском ресторанчике, который поразил нас своей изумительной кухней и довольно-таки умеренными ценами. Поэтому, учитывая сегодняшнюю жару, мы обошлись лишь прохладительными напитками – мой друг наслаждался холодненькой минералкой, а я попивал мой любимый «спрайт», закусывая его ... Мне совестно признаться, но зная мой извращенческий вкус, Степан попросил приготовить для меня две порции шоколадного мороженого с дроблёными грецкими и лесными орехами, и заправленного карамельным соусом

и малиновым сиропом. Может это и покажется Вам вычурным излишеством, но что ни говори, а у каждого человека есть свой бзик не только в голове, но и в желудке. Гриша же вообще отказался от всякой еды, видно убоявшись, что его заставят разделить расходы на совместный безалкогольный банкет. Он мужественно лакал свой сорокаградусный «Абсолют», который к этому времени уже нагрелся до сорока градусов по Цельсию.

– Мы с Ромой договорились здесь встретиться ещё позавчера, так как оплачивать разговоры по мобильнику ему теперь уже нечем, – весьма своеобразно объяснил увалень отказ от совместной трапезы. – А в этом шкуродёрском заведении с клиентов сдирают сумасшедшие, баснословные деньги. Поэтому я заранее пообедал в одном приличном местечке, где цены не настолько астрономические и кусачие.

– Да я вижу, что у вас с Кузеном не только раздельное питание, но и раздельное питание, – не удержался я от подковерки. – А тебе не кажется, Гриша, что у тебя паталогически изуродованное представление о настоящей дружбе и товариществе?

– Ну знаешь, Василий, в народе ведь не зря говорится, что дружба дружбой, а денежки врозь! – сфокусировал на мне свои ледяные лазеры прожжённый циник. Его грубая кожа на глазах посерела, покрылась морщинами-трещинами, – и он снова превратился в окаменелого монстра. – Я тоже из-за Кузеновых проделок попал в крайне незавидное финансо-

вое положение и теперь, в первую очередь, должен думать, как из него выпутаться! Рома по своей хронической дурости и невезучести вляпался в неблагоприятную историю, а пострадали поголовно все рабочие нашей строительной фирмы. А между прочим, 99% из них – наши бывшие соотечественники: украинцы, русские, белорусы и молдаване.

Я уже по самое горло был сыт беспринципным философом и собрался было от всего сердца послать его в резиденцию чертовой бабушки. Но внезапно я почувствовал лёгкое прикосновение к моей ноге и, подняв глаза, прочёл по губам Степана беззвучную фразу: «Это мы всегда успеем». С трудом сдержав мой яростный, гневный порыв, я обернулся к Кузену, уплетающему за обе щеки шурашку.

(Для несведущего читателя примечу, что churrasco – это традиционное португальское мясное блюдо)

– А поведай-ка нам, Рома, в какую такую ужасающую переделку ты умудрился впутался, что остался без денег, работы, пристанища ...

– ... и без каких-либо официальных документов? – уточнил мой вопрос серый ракушняковый идол.

– Что бы вы ясно уразумели, к какому мерзостному таракану я попал в услужение, то мне придётся начать мою повесть издалека, – не прекращая задорно чавкать, прохрюкал Кузен. – Мой патрон, Жайме Барата был пра-пра-пра-праправнуком того самого Нету, который вместе со своим дедом основал торговую фирму «Barata e Neto». А если переве-

сти по-нашенски, то эта спекулятивная и перекупочная фактория именовалась «Таракан и Внук». Предки Жайме баснословно разбогатели на поставках в столицу сельскохозяйственной продукции и патрон утверждает, что они даже были официальными поставщиками продуктов на королевскую кух ... кух ... кух ... кхе ... кхе ... кху ... кху!

Глаза Ромы выпучились, налились слезами, – и он зашёлся неудержимым чахоточным кашлем, от которого, как мне показалось, сейчас оборвутся его лёгкие. Сидящие за соседними столиками посетители в ужасе соскочили со стульев и отпрянули подальше от эпицентра душераздирающего буханья. Однако, когда кожа на лице Кузена начала лиловеть, и он стал хвататься руками за горло, и до меня, наконец-то, дошло, что оголодавший бедолага поперхнулся не на шутку.

– Да что вы своими неуместными расспросами не даете человеку спокойно поесть, – укоризненно пожурил нас великан и наотмашь стукнул своего двоюродного брата по содрогающейся от кашля спине. Рома противно квакнул и что-то мощно изрыгнул из своих внутренностей. Вылетевший из его рта кусочек мяса перелетел через стол и плюхнулся прямо в стакан Гриши Дановича.

С невозмутимым спокойствием «Каменный гость» неспешно потянулся за салфеткой и вытер с лица капли водки, которые выплеснулись из стакана. Затем с бесстрашием робота он окунул указательный и средний палец в стакан, выловил комочек не дожёванного мяса и аккуратно положил

его на краюшке Роминой тарелки. Потом с хладнокровием индейского вождя «отрешённый дервиш» маленькими глоточками допил теперь уже далеко не абсолютно чистый «Абсолют».

– Я не советовал бы Вам, милейший, брезговать закуской, милостиво предложенной Вам моим отзывчивым кузеном, – довольно сдержанно высказал свои рекомендации Степан, поглядывая на не дожёванный Ромой огрызок. – Потягивая при таком зное почти что горячую водку, Вы рискуете подхватить тепловой удар с последующим продолжительным помутнением разума.

– Вы, милостивый сударь, определённо недооцениваете моих дарований, стоящих за пределами человеческих возможностей, – перешёл и Гриша на старосветскую манеру собеседования. – Ведь я не только искатель и дервиш, но и опытейший сталкер, повидавший много чего на своём веку. Мне приходилось бывать в таких экстремальных местах, где и пятьдесят градусов в тени считается вполне приемлемой и даже комфортной температурой! Тем не менее я с Вами согласен, что во избежание несчастного случая не стоит отвлекать моего коллегу расспросами во время обедней трапезы. Впрочем, хотя я и работаю в «Barata e Neto» только с декабря, но, благодаря Кузёну, знаю всю подноготную и этой фирмы, и её жуликоватого патрона. Так что пока Рома подкрепляется, я в полной мере и в мельчайших подробностях смогу удовлетворить Ваше законное любопытство.

Белобрысый гигант вопросительно покосился на меня, и я снисходительным жестом выразил моё премилоостивейшее согласие. Степан с ухмылкой повернулся к истукану, сбежавшему с остова Пасхи, и благосклонным кивком предложил ему продолжить прерванный Кузеном рассказ.

Данович достал из кармана портсигар, извлёк из него весьма подозрительную сигарету и прикурил её от старинной золочёной зажигалки ручной работы. Затем, глубоко затянувшись, он обдал нас волной сладковато терпкого дыма, по запаху напоминающий тлеющие на углях сорняки.

– За пять лет моего пребывания в Португалии, мне пришлось поработать у девяти разных патронов, – попыхивая пьянящим дымком, завёл свою скрипучую шарманку рассказчик. – Все они были сволочи, все они обманывали и обсчитывали нашего брата гастарбайтера. Но такую гниду как Жайме Таракан, мне встречать ещё ни разу не доводилось. Впрочем, до меня доходили слухи, из непроверенных источников, что в Португалии есть и честные работодатели, которые платят иммигрантам с Востока так же, как и своим рабочим. Поэтому, в надежде найти такого порядочного патрона, я ни на одной работе больше полугода не задерживаюсь.

– Как мне видится, сударь, Вы хотели сказать, что ни на одной работе Вас более шести месяцев не задерживали, – поджентльменски поправил я сказателя.

– И так, продолжим наш экскурс в историю тараканьего рода, – не обратил внимания на мою колкость Данович. –

Надеюсь, Вы в курсе, что Varata по-португальски означает Таракан. На гребне своего коммерческого успеха семейство Барата построило на левом берегу Тежу, в районе нынешнего муниципалитета Баррейру, целый квартал добротных жилых и подсобных строений. В центре комплекса зданий, фасадом на широкую улицу, возвели роскошный трёхэтажный родовой дом коммерсантов. Справа и слева от него соорудили два просторных доходных дома, благоустроенные квартиры которых сдавались состоятельным горожанам. На цокольном этаже одного из домов находилась большая и шумная таверна, которая со временем преобразилась в кафе-ресторан для знатных персон. По соседству с харчевней находился популярный продуктовый магазин, где всегда можно было купить изысканные деликатесы, яства и напитки. На нижнем этаже второго дома размещалось несколько торговых лавок, которые в 20-м веке превратились в одёжный, обувной и хозяйственный магазины. На одной из боковых улиц квартала построили ещё один доходный дом, а на второй – гостиницу для приезжавших со всего мира коммерсантов. В глубине же квартала, ближе к реке, отгрохали громадные продовольственные склады и огромные винохранилища, где десятилетиями выдерживали знаменитый сетубальский мускатель. Там же, поблизости, разместили обширные конюшни, которые уже в наше время переоборудовали в гаражи. Всё это принадлежало главному наследнику рода Барата и давало ему несметный доход.

Но с каждым поколением приемники древнего Таракана всё меньше уделяли внимания бизнесу, и всё больше погрязали в роскоши, пьянстве и разврате. В Лиссабоне и Алентежу даже ходила поговорка: «Потомки Таракана Старшего разорились потому, что самолично выпили весь хранящийся в их погребях мускатель и обогатили всех проституток Пиренейского полуострова». Так что молодому Жайме Барата в наследство достался квартал обветшавших построек, большинство из которых, как говорить в народе, едва-едва дышали на ладан. Жайме пришлось в пятнадцать лет бросить школу и идти работать каменщиком на стройку. Но после того как Португалию приняли в НАТО и ЕС, в стране начался настоящий строительный бум. В преддверии Всемирной выставки ЭКСПО 98 и Чемпионата Европы по футболу 2004 года катастрофически не хватало строителей. Предпринимательская жилка предков ещё не угасла в груди Жайме, и он с товарищами организовал строительную фирму «Барата и К^о». Они подрались на строительство комфортабельных коттеджей для богатых пенсионеров, которые желали жить в тихом спальном районе, но и не очень далеко от столицы. Прибыль превысила даже самые дерзкие ожидания молодых строителей.

Но вскоре Жайме начал постепенно перетягивать одеяло на себя, и его возмущённые товарищи стали разбегаться как потревоженные тараканы от дезинсектора. Кто открывал свой бизнес, а кто уезжал в страны Северной Европы, где

заработки строителей были на целый порядок выше. Тогда Жайме переименовал фирму по древнему названию и начал набирать в неё гастарбайтеров с Востока, которые хлынули с просторов бывшего Советского Союза. Иммигранты быстро овладевали строительными профессиями и дела фирмы заметно пошли в гору. Но глава фирмы всё реже появлялся на стройках, переложив свои обязанности на Феликса Карапету, который не очень-то и разбирался в строительстве. У Жайме начались неприятные проблемы с клиентами, так как коттеджи не успевали сдавать в срок, а количество заказов непрерывно увеличивалось.

Но когда в фирме появился Кузен, то для патрона все резко изменилось в лучшую сторону. Рома почти мгновенно осваивал все строительные профессии. Он работал и бетонщиком, и опалубщиком, и вязальщиком, и каменщиком, и штукатуром, и кровельщиком, и электриком, и водопроводчиком, и водителем. Всё горело и спорилось в его руках. Но самое главное, что Кузен умудрялся организовать работы так, чтоб выполнить их с минимальными затратами сил и в самые кратчайшие сроки. Через два с половиной месяца Рома практически стал прорабом на стройках нашей фирмы, а Феликс теперь занимался только поставкой строительных материалов для возведения коттеджей.

В фирме «Барата и Нету» существовал негласный девиз: «Снаружи – шик и блеск, внутри – отбросы и мусор». Покупались самые дешёвые или отбракованные строительные

материалы и прочие отходы производства. В бетон вместо гранитной щебёнки шёл битый кирпич и обломки хрупкого ракушняка, а цемента в том бетоне было в два раза меньше нормы. В каркасные опоры зданий ставили арматуру как минимум в полтора раза тоньше, чем требовалось по проекту, и всё это заливалось халтурным бетоном. Штукатурку наносили тончайшим слоем в один-два миллиметра, чтоб сэкономить на гипсе. Электричество часто проводили не цельными проводами, а скрученными плоскогубцами обрезками. В водопровод ставили или отбракованные, или же бывшие ранее в употреблении трубы. Использовалась и сотни других ухищрений и трюков, чтобы снизить расходы на строительство до минимума. А Кузену поручалось из всего этого многослойного дерьма сотворить красивую аппетитную конфетку из белого шоколада. Все огрехи строительства прикрывались тонкими мраморными плитами и ослепительным светлым кафелем. И когда заказчик въезжал в своё новое жилище, ему казалось, что это не просто коттедж, а сияющий королевский дворец. Если бы Португалию постигло такое же несчастье, как и в 1755-ом году, то всё, построенное Жайме, рассыпалось бы в прах только от первых предвестников землетрясения.

Доходы мошенника стали баснословные, а после того, как он провернул хитроумную аферу, так и вообще, – запредельными. Пройдоха тайно, при сильном ветре, устроил пожар в заповедной роще на берегу Тежу и выжег её буквально

дотла. Затем с помощью взятки, он переоформил этот участок как бесхозный пустырь и приобрёл его за бесценок. На этой земельке, с живописным видом на речку, Жайме и начал строить закрытый элитный посёлок для самых богатеньких лиссабонских буратин. Перспективы для развития фирмы «Varata e Neto» стали не просто радужными, но, можно даже сказать, звёздными. Но от головокружения от успехов у нашего крохоборного патрона появилась мерзопакостная, свинская привычка – задерживать зарплату на два-три, а то и на четыре месяца. Он плакался рабочим, что ему приходится платить огромные налоги, а также давать взятки полицейским и налоговым инспекторам, чтоб они не трогали его нелегальных рабочих. К тому же ему приходится тратить солидные суммы на алименты бывшей супруге и на оплату обучения его четырёх деток от первого брака в частных колледжах. А несознательные клиенты постоянно задерживают выплату денег за уже произведённые фирмой работы.

Но если быть откровенным, то не всё было так уж и плохо в жизни рабочих шарашкиной фирмы. Патрон предоставил нам бесплатное жильё в своей гостинице, которая превратилась в общежитие для гастарбайтеров с Востока. Правда, она пребывала в аварийном состоянии и нам же приходилось её постоянно ремонтировать. То крыша протечёт, то водопровод лопнет, то выгорит электропроводка, то двери и окна рассыплются от старости. Но в принципе, жить было можно. Кроме того, Жайме обеспечил нам трёхразовое

бесплатное питание в своём кафе, которое и стало для нас фирменной столовой. Еда была обильная и сытная, но пресная, безвкусная и особым разнообразием не отличалось. Но там можно было взять в долг, в счёт будущей зарплаты, что-нибудь сладенькое и вкусненькое, а также сигареты и любую выпивку. Конечно, цены были повыше, чем в крупных супермаркетах и магазинах, зато далеко ходить не было необходимости. Вдобавок, в счёт будущей зарплаты можно было отовариться и в одежном, и в обувном магазинчиках, если вдруг прохудилась обувь или пришла в негодность рабочая одежда. Неудивительно, что далеко не один работяга прослезился, получая свою очередную изрядно урезанную зарплату. Заведовала столовой и магазинами Лидка Пустун, которая и вела «черную бухгалтерию». Ходили слухи, что она крутила шуры-муры с патроном, поэтому он и не обращал внимание на жалобы мужиков в обчёте, обвесе и приписке лишних покупок. Уличить Лидку было практически невозможно, поскольку, когда народ начинал бухать, то уже никто не считал ни выпитого, ни выкуренного.

– Подруги Лидки как-то мне проболтались, что она раньше была заведующей продовольственного склада в Очакове, – не прерывая процесс пережёвывания, вмешался в повествование Кузен. – «Органы» уличили Пустун в чрезмерной усушке, утряске и бое продовольственных товаров, а её начальство под этот шумок приписало ей растрату в особо крупных размерах. Но воспользовавшись нерасторопностью

ментов, она вовремя сбежала в Португалию по подложным документам. И никто здесь даже точно не знает её настоящие имя и фамилию.

– Рома! Не рискуй жизнью из-за какой-то там слабой на передок мошенницы! – погрозил Кузену пальцем Данович. – Лучше помолчи, пока не набьёшь свою утробу под самую завязку. Между прочим, проработав у Таракана четыре месяца и наладив процесс строительства, Рома так и не получил от патрона ни единого эскудо наличными. Тогда Кузен заявил, что уходит к другому, более порядочному работодателю, который пообещал ему платить в два раза больше. И хотя Рома отчаянно блефовал, но тараканье отродье приняло его демарш за чистую монету. Жайме отлично понимал, что без такого дельного производителя работ он не сможет загребать такие сумасшедшие деньги. Патрон тут же вдвое поднял Кузену оклад и, не откладывая дела в долгий ящик, сразу же выплатил прорабу четыре месячные зарплаты по новому тарифу. Жайме даже не высчитал с Ромы деньги за вынужденные покупки в своем кафе и магазинах. С того времени в нашей фирме процветала безмятежная идиллия и все поголовно были довольны своим положением. По жесткому настоянию нового прораба патрон почти три года больше не задерживал рабочим зарплаты. Однако полгода назад он опять взялся за старое дело, ссылаясь на какие-то мифические финансовые проблемы. К маю Жайме снова задолжал нам четыре зарплаты, и мы уже было собрались устроить всеобщую

забастовку. Но две недели назад Кузен выкинул смертельный фортель, после которого фирма «Барата и Нету» и накрылась женским половым органом. Причём в самом прямом смысле этого вульгарного выражения. По правде говоря, меня при этом эпохальном событии не было, и знаю я о начале лавинообразного стихийного бедствия лишь только со слов Ромы.

В этот момент из утробы Кузена раздался такой устрашающий, омерзительный звук, будто он сейчас изрыгнёт всё умятое им за последние полчаса вместе с аппендиксом. Нервно оглянувшись вокруг, я узрел целые созвездия вылупленных в страхе глаз, ожидавших неминуемого катастрофического извержения. Степан мгновенно оценил критическую ситуацию, плеснул минералку в свой стакан и сунул его в дрожащие руки страдальца. И Рома одним большим глотком загнал назад рвущихся на свободу тигровых креветок. Затем Кузен как-то невыразительно крикнул, осторожно втянул в себя знойный воздух – и одарил всех нас широкой добродушной улыбкой. Вздых всеобщего облегчения всколыхнул мои волосы, и посетители кафе «Никола» боязливо уселись на свои прежние места. Впрочем, наши ближайшие соседи, подхватив свои заказы, торопливо пересели за свободные дальние столики.

– По-моему, братишка, ты уже в достаточной мере набил свой курдюк и сможешь самолично рассказать о своём эротическом приключении, которое привело к трагическим последствиям, – подзадорил Рому Степан, явно заин-

тригованный последними словесами потёртого жизнью сталкера. – Интересно, а в Португалии есть кожно-венерологические диспансеры?

– Да не было там никакого секса с моей стороны и даже какого-либо намёка на артистичную эротику! – с вымученной улыбкой отверг Кузен обвинения в сексуальной распущенности. – Всё произошло из-за какого-то анекдотического, нелепого и пагубного стечения совершенно непредсказуемых и уму непостижимых обстоятельств. После того как патрон назначил меня своим помощником, он хотел, чтоб я всегда был у него под рукой, и переселил меня в одноэтажный флигель, который стоял сразу за его родовым домом. И хотя там были все удобства, но мне было скучно жить одному в четырёхкомнатных апартаментах. Поэтому Жайме разрешил мне взять себе напарника из рабочих нашей фирмы. Кстати, в последние полгода я делил жильё с Гришей Дановичем.

Это несчастье случилось в воскресенье в наш единственный выходной день. Вечером в субботу мы с мужиками здорово набрались, так как отмечали то ли День радио, то ли День Победы.

– Мы отмечали сразу оба эти праздника, поскольку они попали на рабочие дни, – внёс поправку Ромин напарник и закурил ещё один «душистый» косячок.

– Теперь понимаю, почему мне было так дурно, ведь мы взяли на грудь удвоенную норму алкоголя, – с запозданием

выяснил Кузен причину своего недомогания. – Встал я часов в десять, попытался разбудить Гришу, но он всё ещё дрыхнул непробудным сном.

– И вовсе я не дрыхнул, а находился в состоянии глубочайшей медитации, – обиделся непонятый невежественным простолюдином «дервиш». – Я пребывал в изменённом состоянии сознания, которое мэтр Стив Лаберж называет осознанным сновидением. Отлично помню, что в то утро я странствовал по райским мирам.

– Но судя по твоему дикому, истошному храпу, ты обрелся в далеко не ангельских объятьях, – съязвил Рома. – Временами мне казалось, что тебе раз за разом кто-то вилы в задницу втыкал. Но сейчас разговор не об этом. В прескверном настроении я выбрался наружу и увидел под окнами спальни патрона кабриолет Грасы с поднятой крышей. А это означало, что она вернулась домой уже под самое утро, когда на улице было ещё ветрено и свежо. На Рождество патрон подарил своей молодой жёнушке новенький мерседес-кабриолет, а себе приобрёл «порш» последней модели. А нам всем жалостливо плакался, что у него денег на жизнь не хватает! Граса, вторая жена Жайме, годилась ему в дочери, ибо была сверстницей его старшего сына. Она быстренько родила своему потрёпанному супругу дочь, но воспитывалась малышка родителями Грасы. Супруги жили почти что свободным браком, так как Граса совершенно не ревновала мужа, хотя и догадывалась о его «левых» поползновениях. Скорее всего,

патрон ночевал у Лидки Пустун, потому как вечером я видел его «порш» у дома, который она снимала. Вы, наверное, уже догадались, кто оплачивал аренду этого «маленького» двухэтажного особнячка. Вообще-то, обычно заботливый глава фирмы проверял условия проживания своей сотрудницы в ночь с пятницы на субботу. И это была лишь только одна из причин роковых последствий того безумного, суматошного утра. Страдая прогрессирующим склерозом, Жайме перепутал день своего посещения и застал в постели своей пассии своего снабженца Феликса Карапету. Хорошо хоть патрон не нагрязнул к Лидке в четверг, а то все шишки достались бы Грише Дановичу.

– По-видимому, ваша фирменная нимфоманка по четвергам предпочитает окаменелое мужское достоинство, поскольку оно постоянно готово к употреблению, – насмешливо отметил я, но почему-то моя ирония никого не впечатлила.

– Хотя наш патрон далеко не Геракл, но если психанёт, то управиться с ним не так-то и просто, – продолжал тарактеть вошедший в азарт Рома. – Как выяснилось, всю ночь он посвятил разборкам с подчинёнными, которые переходили в кулачные бои с примирительными перерывами между раундами. Так что к утру у него, как и у меня, было мерзопакостное настроение, но, в придачу, ещё и парочка фингалов на лбу «автопортрете».

5. Маятник хронометра Судьбы.

– Ой! Кажется, я увлёкся. – неожиданно спохватился Рома. – Прошу простить меня за маленькое лирическое отступление. Давайте перейдём к сути убийственного недоразумения, погубившему фирму «Varata e Neto». Когда я вышел во двор, то увидел, что вся моя одежда испачкана какой-то подозрительной грязью, а все мои брюки какая-то сволочь изгадила пакостной рвотной массой.

– В грязи ты вывалился, когда по дороге домой поскользнулся на свежих собачьих какашках, – просветил Кузена его поводырь. – А если ты сходишь в кафе и заглянешь в зеркало, то увидишь ту сволочь, которая тебя обрыгала.

– Когда ночью мы вернулись домой, я упал на кровать и мгновенно уснул, – недобро поглядывая на Гришу, возобновил свой сказ былинщик. – Поэтому моя постель выглядела ненамного лучше, чем моя одежда. К тому дню весь мой гардероб полностью изнашивался и на переодевание у меня остались лишь цветастые семейные трусы. Быстренько вымывшись под душем, я надел чистые трусы, сгрёб в охапку постельное бельё и грязную одежду и потащил всё это к бетонной баньейре, которая стояла неподалёку от флигеля. Налил я в это «джакузи» нагретой на солнце воды, высыпал туда из коробки весь стиральный порошок и вывалил в баньейру всё

моё барахло.

– Между прочим это был мой порошок, купленный на мои кровные денежки, – скаредно забрюзжал оживший истукан. – Твой «Surf» ещё в марте месяце закончился.

– А с декабря по март ты в чем порошке своё грязное бельишко полоскал?! – огрызнулся Кузен. – Так вот! Плескаюсь я в бетонном корыте, елзю туда-сюда зловонное тряпье – и, вдруг, слышу тоненький жалостливый женский голосочек: «Romã! Romã! Romã!» И сразу же сообразил, что это дурочка Граса меня кличет. Только она так и не научилась произносить правильно моё имя и обзывает меня субтропическим фруктом. Любой идиот знает, что Romã по-португальски – гранат. Сколько раз уже ей говорил, что моё имя произносится с ударением на первом слоге!

Поднимаю мои слезящиеся глаза вверх, навожу фокус – и точно – красotka Граса! Выглядывает из распахнутого окна спальни и манит меня своей точёной холёной рученькой. На тело крашенной блондиночки был наброшен тоненький полупрозрачный халатик, который не очень-то и надёжно скрывал её женские прелести. Если судить по её стройной фигурке и плоском животике, то никто бы ни за что бы не поверил, что она недавно рожала. Пышные, чуток растрёпанные волосы собраны в кокетливый комочек на макушке, губки сложены пунцовым бантиком, бирюзовые глазища обрамлены длинными подкрашенными ресницами. Ну чем тебе не богиня любви Афродита, сбежавшая с Олимпа, чтоб вволю

порезвиться на грешной Земле Матушке! У любого здорового мужика, даже у хронического импотента, несомненно, сразу бы слюнки ручьями потекли. Но я-то отлично понимал, что «клеится» к Грасе Барата – это самое что ни на есть безнадёжное в регионе Алентежу дело. На вид она казалась дурочка-дурочкой – слегка вульгарное личико, заманивающий, многообещающий взгляд. Но эта привлекательная «дурочка» прекрасно знала себе цену и, если бы на кого и клюнула, то только на принца или миллиардера. За три года я перевидал множество субчиков, которые пытались подкатить к Грасе, рассказывая ей по секрету о всех загулах её благоверного. Мадам Барата долго водила их за нос, но, в конце концов, надменно заявляла, что не изменяет своему мужу из принципа. Ей грех было жаловаться на Жайме, который трагил на её прихоти баснословные деньги. Похоже, что именно по этой причине он и влез, как потом оказалось, в чрезмерные и неоплатные долги. Как-то я спросил патрона, почему он до сих пор не начал реставрацию своего родового дома. Жайме ответил, что реставрация обойдётся на порядок дороже, чем постройка нового шикарного дома на пустынном месте. И ввиду этого, он соорудит в своем закрытом посёлке, на самом козырном месте, роскошный особняк, достойный даже супруги французского президента.

– Рома! А тебе не кажется, что ты снова слегка отвлёкся, – проскрипел своими каменными голосовыми связками внештатный критикан.

– Ты как всегда прав, Гриша, – печально согласился с критиком Кузен и вернулся в русло прежнего повествования.

– Romă! Romă! – жалобно промяучила Граса и, заметив, что я весь во внимании, излила на меня свои безосновательные претензии: – У меня в спальне освещение почему-то не работает. Люстра мигает и в ней что-то трещит. Ты же в понедельник её ремонтировал, а она три минуты назад совершенно погасла. А мне к приезду мужа макияж наложить надо.

– Вот дура! – в сердцах подумал я. – И зачем тебе макияж?! Он же тебя только старит! На небе ни тучки, солнце жарит во всю, а тебе дополнительное освещение подавай! В крайнем случае, могла бы включить и светильник на тумбочке!

Но фифочке я ничего не сказал, так как действительно ремонтировал люстру в начале недели. В ней, на потолочном клеммнике, зажимной винтик раскрутился и нужно было его лишь только чуток поджать. Но в понедельник у меня после празднования Дня печати голова от боли раскалывалась, и вместо плоской я взял крестовую отвертку. А люстра то была чересчур древняя и, когда её сварганили, винтов с крестовидным шлицем ещё не придумали. Мне кое-как удалось зажать контакт, люстра перестала мигать, и я со спокойной совестью пошёл похмеляться. А во вторник собирался прийти с нужным инструментом, но за текущими делами мои благие намерения вылетели из головы.

Чтобы не осложнять с Тараканами отношений, я пообещал фифочки сейчас же принять неотложные меры. А так как мы жили с семейством Барата по-добрососедски, по-свойски, то я и решил навеститься к ним в чём Боженька послал. А Боженька послал мне только семейные трусы и мои тяжёлые рабочие ботинки. Туфли мои были замызганы присохшим дерьмом и рвотой, а на их отмывание времени у меня уже не было. Засунул я ноги в ботинки, а там мокрота как в промозглых белорусских болотах! Но разбираться в причинах отсыревания моих говнодавов было уже некогда. Подхватил инструмент и стремянку и попёрся в спальню патронши на принудительные аварийные работы. А в ботинках что-то противно чвакает и из них почему-то прёт запашком потных ног и высокоградусного алкоголя. И мне так и не удалось догадаться о природе этого странного паранормального явления.

– Да никакой паранормальщиной там и не пахло, – презрительно фыркнул всезнающий «дервиш». – Когда мы поздно ночью вернулись во флигель, ты ведь ни сразу завалился дрыхнуть в кровать. У нас ещё осталась про запас не начатая полулитровая бутылка «Grey Goose». Я тогда уже с ног падал, но ты вознамерился выпить всю эту водку на сон грядущий. Однако наливать её было уже не во что. Последние стаканы мы перебили ещё в прошлый понедельник. Но ты без моего ведома разлил «Grey Goose» по своим немецким рабочим ботинкам и предложил мне выпить из них водку на

брудершафт. Я тебя тогда не удавил только потому, что у меня от усталости сил больше не было. Ведь самая дешёвая бутылка этой французской водки стоит почти что сорок евро!

– И вы-таки выпили эту водку на брудершафт?! – искренне ужаснулся Степан.

– Не могу сказать тебе точно, – задумчиво почесал свой каменный затылок Данович, и на его спину посыпалась то ли перхоть, то ли крупнозернистый песок. – Мои глаза ещё запечатались, как мы стояли с Ромой с переплетёнными в локтях руками и держали перед носами злосчастные ботинки. Помню, что из них исходил запах первой классной водки с сильной примесью аромата потных ног. А дальше – чёрный провал в памяти.

– А я так и вообще всё начисто запомнил, – сокрушённо вздохнул Кузен, но тут же отбросил мрачные мысли. – Хотя, может быть, это и к лучшему. И так, продолжим. Поднялся я на второй этаж в спальню, влача за собой тяжёлые как кандалы ботинки. Спальня была довольно-таки просторная с высокими потолками и двумя широкими окнами. Стены были обклеены цветочными обоями и увешаны писанными маслом старинными картинами. Слева, у дальней стены опочивальни, ближе к окну, стояло трюмо с тройным зеркалом и туалетным столиком. В правом углу размещался трёхстворчатый гардероб с зеркальными дверцами. Между ними, посередине, стояло резной комод, на котором стоял DVD плеер. Над комодом висел большой плоский цветной телевизор.

Вдоль стен спальни стояло несколько стульев с мягкими сиденьями и спинками. Все эти предметы, кроме DVD и телевизора, явно принадлежали одному мебельному гарнитуру.

Но гвоздём опочивальни была огромнейшая старинная кровать под балдахином, занимающая не менее трети полезной площади помещения. На этом просторном ложе, несколько не стесняя друг друга, могли бы попроказничать как минимум четыре пары свингеров. На стене, повыше изголовья, висело огромное овальное зеркало, как видно для того, чтоб супруги могли полюбоваться своими любовными играми со стороны. У изножья кровати, на специальных подставках, стояли два крылатых ангелочка с луками и стрелами, вырезанные в натуральную величину из какой-то твёрдой породы дерева. Этих лыбящихся пухленьких амурчиков маститый художник расписал красками, и они выглядели точь-в-точь как живые. Очевидно, в их обязанность входило постоянное подстёгивание «молодожёнов», чтобы те не приостанавливали процесс воспроизведения потомства.

С превеликим трудом я дошёлёпал до середины опочивальни, поставил стремянку под люстру и, постанывая, начал взбираться к олимпийским высотам. Голова ужасающе трещала, я почти что ничего не соображал, а похмелиться было нечем. Ну, разве что сунуть нос в один из моих ботишков и надыхаться испаряющимися наркотическими ароматами. Люстра состояла из двух массивных бронзовых ободов, скреплёнными тремя штангами, – большой, диаметром

около метра, вверху, а меньший, имевший в поперечнике где-то с полметра, – пониже. Вся эта конструкция на трёх цепях подвешивалась к крепёжной чаше, привинченной к потолку. И чаша, и ободы были инкрустированы изумительными золотистыми пластинами в виде опавших осенних листьев. К ободам подвешивались гроздья хрустальных подвесок, а с их внутренней стороны крепились патроны с многочисленными лампочками. Люстра имела два режима функционирования – бытовой осветительный и ночной, для создания интимного полумрака в опочивальне. Лампочки были расположены так искусно, что, отраженные подвесками лучи, заполняли спальню радужными бликами при любом режиме работы.

Скрипя зубами, я снял с крепёжной чаши декоративную крышку и увидел, что контакт на клеммнике уже основательно подгорел. И тут я заметил, что шурупы, прикрепляющие чашу к потолку, заметно проржавели и люстра висит фактически на моём честном слове. А если эта массивная конструкция, вдруг, оборвётся, то запросто прихлопнет Тарака-на или Тараканшу, а коль «повезёт», то сразу же их обоих. Но если она сорвётся прямо сейчас, то жертвой несчастного случая стану я, а это никак не входило в мои перспективные планы.

Сначала всё моё нутро похолодело, но быстро отогрелось, ибо я утешил себя вполне тривиальной мыслью. Если эта машина провисела почти семьдесят лет и до сих пор никуда не

отправилась погулять, то пару неделек она ещё подождёт. К счастью, прогнозы погоды на ближайшие две недели ни торнадо, ни землетрясения, ни цунами не предвещали. Так что поменяю шурупы на следующей недели на трезвую голову. А сейчас нужно только аккуратно зажать контакт, поставить на место крышку и быстренько распрощаться с гостеприимной хозяйкой. Но выполнить намеченные мной работы оказалось не так-то и просто. Мои руки предательски дрожали, а всё моё тело качалось на верхотуре как тоненький стебелёк на ветру. По дороге в спальню куда-то слетел прорезиненный наконечник с одной из ножек лестницы и стремянка утратила былую устойчивость. Меня пару раз здорово качнуло, я выронил из рук пробник, и индикатор напряжения разбился при падении на пол. Хорошо ещё, что, входя в спальню, я обесточил люстру стенным выключателем у двери, а то мог бы запросто угодить под фазу.

Постаравшись сосредоточиться, я снова принялся за работу, но никак не мог попасть наконечником отвёртки в шлиц зажимного винта. А тут ещё как назло в спальню вернулась хозяйка и, встав между амурчиками у изножья кровати, стала с интересом наблюдать за моим цирковым номером. Её халатик был запахнут с преступной небрежностью, и с верхней полки стремянки мне открылся воистину восхитительный вид. О концентрации моего внимания на устранении опасной, аварийной ситуации не могло быть и речи! Один мой глаз смотрел на подгоревший клеммник, а

взор второго словно магнитом притягивала ложбинка между холмами сладострастия Грасы. Такой потрясающей, безупречной груди мне ещё ни разу в жизни видеть не доводилось! Фифочка как будто ласкала меня своим возбуждающим, вульгарно-насмешливым взглядом, стараясь вызвать у меня безудержную кобелиную реакцию. Я явственно понимал, что стерва специально дразнит меня, чтобы потом от всей души посмеяться на моими восставшими в трусах возвышенными чувствами. Мне пришлось собрать в кулак всю мою силу воли, чтоб сдержать бурлящие эмоции и не поддаться на провокацию сквернавки. Дикая головная боль и смертельная усталость после вчерашней попойки помогли мне в этом праведном деле.

Хозяйка дома опустила свои глазища вниз, сконцентрировав взор на моих семейных трусах, – и ей очень не понравилось, что индикатор моей сексуальной распушенности так и остался на нулевой отметке. Тогда она выкинула номер прожжённой стриптизёрши, который окончательно добил, а заодно и доконал меня. Она села своими шикарными тугими ягодицами на край матраса, ослабила завязку халата и с медлительностью садистки раздвинула свои длинные стройные ножки. Халатик распустился как цветок лотоса, – и вся моя горячая кровь хлынула в мои чресла.

Внезапно, отвёртка выскользнула из руки, дрожащие пальцы попали на клеммник, – и меня с ужасающей силой шандарахнули все разгневанные двести двадцать вольт

в неудержимом единодушном порыве! Меня будто мощным ударом шокера резко отшвырнуло назад, и стремянка словно взбешённая кобыла встала на дыбы. Я как циркач балансировал на стоящей вертикально лестнице, а, зависшая в воздухе опорная стойка, как копытами указывала ножками на виновницу моего бедственного положения. (Уже позже, при разборке полётов, я узнал, что Граса, входя в опочивальню, по привычке щелкнула выключателем и таким образом подала напряжение на люстру).

Мне было предельно ясно, что если я упаду спиной назад с такой высоты, то или сломаю себе позвоночник, или же проломлю череп, ударившись затылком о пол. Мне было жизненно необходимо вернуть стремянку в устойчивое положение. Ухватившись за поручни, я, волнообразным и безобразным до неприличия сексуальным движением, дёрнулся всем телом вперёд, но, видимо, немного переусердствовал. Лестница начала клониться в сторону кровати, однако от моего порывистого извращенческого выкрутаса замки откидной доски выскочили из захватов. Передняя опорная стойка сложилась, стремянка превратилась в обыкновенную лестницу и теперь уже ничто не могло сдержать моего стремительного падения. Меня радовало только то, что теперь я летел лицом вперёд, но перспектива долбануться фэйсом о паркет тоже меня не очень-то и радовала. Чтобы гарантированно долететь до матраса, мне пришлось оттолкнуться от лестницы и рыбкой нырнуть вперёд. Но на моём пути оказалась патрон-

ша с распахнутым халатиком, с раздвинутыми ножками и с по-жабьи выпученными от испуга глазами. Я влетел носом в то само место, к которому были прикованы мои загипнотизированные глаза – в тенистую ложбинку между её райскими холмами. Если бы не пышная грудь Грасы, которая сыграла роль подушки безопасности, то я бы сломал себе нос, а ей бы запросто проломил лбом грудную клетку. Тычком головы, я опрокинул вертихвостку на матрас, её раздвинутые ноги по инерции взлетели вверх и сомкнулись за моею спиной в замок чуть повыше ягодиц.

Уже потом хозяйка дома клялась и божилась, что ноги её машинально сжали мой торс, а отпустить меня она не могла, потому как мышцы её свело судорогой. Как бы там ни было, но я оказался в тюремном заключении, которое было страшнее средневековых колодок. Когда я влетел в фифочку, мои руки проскользнули под мышками Грасы и охватили её. А упав на матрас, мы ненароком прижали мои предплечья тяжестью наших телес. Вдобавок, спрыгивая с лестницы, я зацепился за что-то трусами, и они съехали к пяткам, накрепко спутав мои лодыжки. Моё вздыбившееся мужское достоинство торчало где-то между булочками бедокурки и жёстко упиралось в торец матраса, рискуя проткнуть в нём сквозную дыру. Ноздри мои были зажаты между буферами шкодницы, и я мог дышать только ртом, да и то лишь с грехом пополам.

Сначала я судорожно дёргался, пытаюсь освободиться из

захлопнувшегося капкана, но вскоре понял, что это превышает моих сил. Минуты три мы пролежали безмолвно и неподвижно, пытаясь осмыслить весь ужас нашего безвыходного положения. Затем Граса мне тихо сказала, что если бы я сбросил напряжение вниз живота, то рассоединиться нам было бы значительно легче. Я гнусавым, утробным голосочком посетовал, что если бы я оттолкнулся от стремянки чуть-чуть сильнее, то попал бы точно в десятку, – и наша проблема давным-давно была бы решена. Патронша с искренним сожалением согласилась со мной, ибо тогда мы не зазя бы потратили бы так много драгоценного времени. Потом она извинилась за то, что вовремя не побрилась и доставила мне этим некоторые досадные неудобства. Мне пришлось утешить её тем, что если бы она не брилась хотя бы три дня подряд, то колкость её лобка позволила бы мне быстрее избавиться от опухания пениса. Так, обмениваясь любезностями, мы пролежали в нашей экстравагантной сплетённой позе ещё минут пять. Судорога ножек патрон не ослабевала, и она так сильно сжимала мои бока, что мне основательно поплохело. Однако её дорогушие духи с феромонами так и не позволили спасть ужасающему напряжению в низу моего живота.

Но вдруг, неожиданно-негаданно, я услышал какое-то странное тихое рычание, которое медленно, но уверенно нарастало. И тут я вспомнил, что в Баррейру намеренно приехал цирк с дрессированными хищниками, и ходили упорные слухи, что вчера оттуда из клетки сбежал то ли тигр, то ли

лев. А когда я заходил в дверь дома Барата, то по халатности бросил её незакрытой. А поскольку рыкание усиливалось, то я пришёл к выводу, что его источник неотвратимо к нам приближается. А мне вовсе не хотелось, чтоб какая-то дикая тварь откусила моё торчащее между булочек шкодницы мужское хозяйство. Собрав все силы, я резким рывком выдернул мой нос из ущелья между буферами патронши и, вывернувшись, скосил мой взгляд на двери опочивальни. Но там уже готовился к роковому прыжку ни лев, ни тигр, ни барс и ни ягуар, а НЕЧТО намного-намного страшнее. И я не без труда узнал в этом НЕЧТО нашего расхристанного, истрепанного патрона с офигительными фиолетовыми фонарями под обеими «фарами». Видно, прошедшая ночь у него выдалась славная.

Мне необходимо было срочно избавиться от моей обузы, и я попытался выкатиться из загребущих объятий попавшей в свою же ловушку плутовки. Но бестия не отпустила меня, и я добился лишь только того, что поменялся с нею местами. Теперь уже она лежала на мне, а между ягодиц у неё одиноким опёнком торчал мой детородный орган. И безобидный вид этого маленького мирного грибочка подействовал на Жайме как на испанского быка красное революционное знамя. Патрон на глазах полиловел, очи его налились багровой кровью, – и он взревел, как полгода не евший тираннозавр. Если бы у меня был выбор, сражаться ли мне с недрессированным львом или с этим поехавшим крышей Отелло,

то я бы предпочёл Лёву.

А Жайме подскочил к ближнему ангелочку и попытался одним махом сорвать его с пьедестала. К моему безграничному везению, амурчик сидел на ввинченном в подставку штыре и стащить его с постамента оказалось не так-то и просто. Но буйно помешанный псих взревел будто исчадь ада и напрягся как Геркулес, отрывающий великана Антея от родимой Земли. И моему ужасу не было предела, когда я заметил, что штырь начал медленно вылезать из задницы ангела-извращенца. У меня появилось вполне обоснованное опасение, что сейчас этот свихнувшийся безумец обрушит увесистого дубового божка прямо на мою голову. Или даже того хуже – на головку моего несчастного, безобидного и ни в чём не повинного опёночка. Слава Богу, что, перевернув патроншу, я освободил руки и смог мгновенно принять единственное верное для избавления от «колодок» решение. Спасая и моё первое, и моё второе «Я», я схватил подведшую меня под монастырь шельму за ягодицы и с лютой силой ущипнул её за мягкое место. Лиссабонская ведьма взвыла как кошка, которой слон наступил на хвост, напуганной птицей слетела с моего торса и шустрой мышкой юркнула под кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.